

#ONLINE-БЕСТСЕЛЛЕР

16+

Анна Козн

#ЗЕРНА ГРАНАТА

САМЫЕ НАШУМЕВШИЕ КНИГИ РУНЕТА

#ONLINE-бестселлер

Анна КОЭН
#Зерна граната

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Коэн А.

#Зерна граната / А. Коэн — «АСТ», 2018 — (#ONLINE-бестселлер)

ISBN 978-5-17-112345-1

По воле главы криминального мира Кантабрии, Луиза и ее друзья отправляются в анархичную Иберию. Если они выполнят его приказ, то смогут начать новую жизнь. Но сдержит ли слово Теодор Крысиный Король? Принцессу Агнесс короновали на глазах всего света, но тут же с позором изгнали из столицы. Она хочет лишь спокойной жизни и исцеления для ее возлюбленного короля. Но позволит ли государство воплотиться её планам? Юстас Андерсен слепо следует за идеальным человеком – герцогом Спегельграфом, – не зная его истинных целей. Долго ли он сможет оставаться орудием в руках бывшего Верховного Судьи?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112345-1

© Коэн А., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

#1. Хрустальный гроб	6
#2. Между дьяволом и морем	15
#3. Пустой постамент	24
#4. Невеста мертвеца	34
#5. Головы на стене	43
#6. «Пух и перья»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Анна Коэн

#Зерна граната

© Анна Коэн, текст, 2018

© Shutterstock Inc., фотография на обложке, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Анна Коэн – автор романа «Зерна граната», второй части трилогии.

#1. Хрустальный гроб

Каждое рутинное действие можно превратить в ритуал, наполнить каждое мгновение особым, сакральным смыслом, приблизить его к таинству. Возможно, она не думала об этом. Возможно, наполняя кувшин теплой водой, переливая ее в фарфоровый таз для умывания, погружая в нее губку и поднося ее к прозрачно-тонкой руке лежащего, она лишь хотела выразить невыразимое – любовь к единственному, что у нее осталось, что еще не отняли. Она никому не могла доверить эти простые заботы.

Лиловые веки чуть вздрагивают. Антуан спит и, быть может, видит сны. Ни в одной старинной сказке принцессе не приходилось сидеть у хрустальной гробницы своего принца, околдованного сонным ядом. Только наоборот. Но Агнесс уже давно перестала вообразить себя героиней сказки.

В тот день, когда смерть едва не забрала ее короля в свои владения, сама она опоздала, непростительно опоздала. В резиденции Спегельрафов Агнесс не застала даже Клемента, который должен был задержать Антуана и уговорить его принять помощь. Теперь король лежит, неподвижный и беззащитный, опутанный, точно терновником, трубками из жил и серебряными иглами. И больше всего походит на один из хитроумных аппаратов из собственной лаборатории.

Когда омовение было закончено, она взяла в руки черепаховый гребень, украшенный крохотными речными жемчужинами, и принялась расчесывать длинные светлые волосы Антуана. Врачи хотели остричь его, но она не позволила.

Люди называли его Отравителем и Чудовищем за его дела, но она еще любила и верила в его душу, не способную желать зла.

Шипела и всхлипывала помпа, качавшая воздух в легкие, беззвучно проворачивались шестерни, выполнявшие работу слабого сердца, заставляя его пропускать через себя кровь. Еще десять лет назад Антуан был бы мертв без всех этих устройств. Он был бы мертв и теперь, не будь он Спегельрафом.

Через несколько мгновений, наполненных лишь звуками медицинских механизмов, Агнесс поняла, что смолкла музыка из шкатулки, поставленной ею у кровати. Отчего-то стало вдруг так холодно и страшно, что она задержала дыхание. Чтобы стереть нелепое наваждение, Агнесс подошла к окну и отворила обе высокие створки. Жаль, отсюда не видно ни моря, ни гор, ни лесов. Только город. Как бы ей хотелось увезти Антуана подальше от Хестенбурга, туда, где никто не сможет навредить им! Но он еще слишком слаб для путешествий.

И тут, далекие и оттого приглушенные, со стороны пристани послышались залпы орудий.

Агнесс вздрогнула и приложила ладонь к горлу. «Что бы это ни было, оно не пройдет стороной», – подумала она.

Вечером горничная доложила ей о визите некоего господина. По ее словам, у него был срочный и чрезвычайно важный разговор к королеве Агнесс. Подобное обращение, к которому она так и не имела возможности привыкнуть, заставило ее напрячься: человек, называющий ее законной правительницей Кантабрии, не мог быть безобидным.

После недолгих колебаний она решила принять его в чайной комнате – покинутый хозяином кабинет Фердинанда Спегельрафа до сих пор пугал ее. На его дверь хотелось повесить замок размером с рыцарский шлем и запретить к нему приближаться, как к зачумленному

двору. Возможно, именно там у герцога возник и развился план убийства ее отца, короля Иоганна.

В соответствии с этикетом она позволила себе задержаться, а гостю – освоиться в ее доме. Через четверть часа она была готова к беседе: надела простую, но изысканную юбку из золотисто-розового атласа с жилетом того же цвета и белую блузу с пышным жабо. Волосы Агнесс оставила свободно ниспадать на плечи.

Высокий брюнет в строгом деловом костюме ждал, не проявляя ни малейших признаков раздражения или нетерпения. Когда она вошла, мужчина встал из-за невысокого резного столика с гнутыми ножками, поклонился и поцеловал ее протянутые в милостивом жесте пальцы.

– Ваше величество...

– Кто вы? Одно то, что вы пришли ко мне как к королеве, а не герцогине Спегельграф, дает мне повод для сомнений. – Агнесс отчаянно старалась, чтобы ее голос звучал уверенно и ровно, ни единой фальшивой нотой не выдавая ее тревог и страхов.

– Преданный слуга Короны, Кристофер Баккер, заместитель главы Дома Весов, к вашим услугам, моя королева. – Он выпрямился, и в свете газовых светильников сверкнули его очки в тонкой золотой оправе.

Вполне вероятно, что Агнесс видела его раньше, еще при жизни отца, но тогда подобные ему не привлекали ее внимания, а имена и лица стирались из памяти, не успев оставить след.

– Присядьте, герр Баккер. Что привело вас ко мне в этот вечер? И если королеве простится некоторое злонравие, то почему преданный слуга Короны именно сегодня решил заявить о своей преданности? – Она выгнула бровь.

– Не могу называть злонравием то, что принято считать умом и проницательностью, – с подчеркнуто любезной улыбкой ответил Баккер и слегка склонил голову.

«Льстец, – подумала Агнесс. – Ему что-то от меня нужно. Но у меня ничего нет!»

– В таком случае объяснитесь. Вы не можете заставлять даму строить догадки и домыслы.

Объяснений пришлось дожидаться еще пару минут – подали ароматный олонский черный чай. Агнесс не решилась взять в руки крохотную чашку, чтобы не выдать волнения дрожью пальцев. Наконец они с заместителем главы Дома Весов остались наедине.

– Если позволите, я буду выражаться без витиеватостей, присущих придворным разговорам.

– Иного мне и не нужно, – кивнула Агнесс. – Говорите кратко.

– Как вам будет угодно, ваше величество. – Баккер сделал глоток обжигающего напитка и отставил чашку. – Президент убит. Сегодня утром. Солдаты дали залп чести – скорей всего, вы тоже его слышали. Но, к счастью, огласки пока удалось избежать. Разумные люди помнят, что случилось пять лет назад, и не хотят возобновления беспорядков.

– Убийца – герцог Спегельграф? – внутренне похолодев, уточнила она.

– Нет. Покушение герцога потерпело неудачу, как и прочие его начинания. – Баккер позволил себе холодную усмешку. – Произошла банальнейшая ссора между герром Мейером и его ближайшим сподвижником, графом Траубендагом. Оба мертвы – убийца расстрелян на месте.

– Значит... Жоакин Мейер мертв! Вы хотите сказать... – Ей все же не удалось сохранить маску спокойствия. – Если я правильно вас поняла, то стране предстоят новые выборы. Надеюсь, претенденты будут хотя бы вполовину так же достойны, как предыдущий президент. Насколько мне известно, он многое сделал для простых людей.

– Ровно столько же, сколько для разорения аристократии, – возразил Баккер. – Не могу не оценить вашей утонченной дипломатичности, но вы кое-что упускаете из виду, Ваше величество.

«Вот оно! – догадалась Агнесс. – Сейчас он скажет, зачем пришел и чего добивается».

Баккер не спешил. Это пугало сильнее заряженного револьвера. Каждый его жест говорил – он является подлинным хозяином положения.

– Не скрою, – наконец продолжил представитель Дома Весов, – есть влиятельные люди, которые ратуют за сохранение республики, за новые выборы и так далее. Но гильдии – на вашей стороне. Все до единой.

Настал черед Агнесс выдерживать паузу. Теперь, когда все прояснилось, каждое сказанное слово будет иметь особый вес. Обожаемой дочери короля прочили балы, пышные приемы и безделье в компании безукоризненных фрейлин. Ее не учили править и вести переговоры. Пришло время осваивать эти науки самостоятельно.

Несмотря на то что разговор протекал в идиллической тишине, которую не нарушал даже вездесущий городской шум, мысли пронеслись в голове Агнесс стаями птиц, перепуганных выстрелами. Что будет, если она согласится? А если откажется? Что станет с Антуаном?..

– Сколько у меня на раздумья? – наконец спросила она.

– А разве это стоит хоть малейших раздумий? Ваше величество, вы единственный законный правитель, который может быть у Кантабрии. Вас уже короновали почти год назад. Вы произнесли клятву при свидетелях. Как все мы знаем, ваш супруг не может выполнять свой монарший долг, поэтому вы должны править вместо него.

– В день нашей коронации династия была свергнута, а Великая Кантабрия стала республикой, – возразила Агнесс. – Кто признает королеву после такого позора? Я не хочу вновь проходить сквозь толпу.

– Позором будет отречься от престола, – с нажимом произнес Баккер, перебирая заостренными по последней моде ногтями. – Вам известно, что сила королей заключается в том, чтобы менять историю, ваше величество? И не только то, что должно произойти, но и то, что уже свершилось.

– Что вы хотите этим сказать?

– В историю войдет только то, что вы захотите там видеть. Если не откажетесь от этой чести. – Мужчина склонил голову и приложил ладонь к сердцу, будто принося присягу. – Но, боюсь, вам стоит поторопиться, моя королева. Совет состоится завтра в полдень, и, если вы не заявите свои права на кантабрийский престол, даже Гильдии не в силах будут вам помочь.

Агнесс встала, давая понять, что разговор окончен.

– Благодарю за визит, герр Баккер. Я приму решение к рассвету и буду готова о нем объявить. Где состоится Совет?

Баккер улыбнулся.

– Восточное крыло дворца уже восстановлено. Дома Зодчих и Мастеров немало сил вложили в этот проект.

Она сдержанно кивнула.

– Я буду там завтра в полдень. Какое бы решение ни приняла.

Гуннива Амберхольд пришла за час до полуночи.

Без записки, вложенной в надушенный конверт, без предупредительного звонка бронзового дверного колокола. Без лакея и охраны.

Тихонько постучала в дверь кухни, скрытую густым тенистым кустарником в недрах сада Спегельрафов. Назвала свое имя – и покорно ожидала, пока о ней доложат, согревая пальцы с обкусанными до мяса ногтями об оловянную кружку с кофе. Разумеется, ей, назвавшейся герцогиней и фрейлиной, не поверили.

На счастье Гуннивы, Агнесс не спала. Она не могла спать.

Ей в руки хотели вложить ношу, которую не смогли удержать ни ее отец, ни муж, ни Жоакин Мейер – а его боготворила вся страна, от Золотого Порта Галлии до Мыса Льдов. И дали только ночь на размышления. Что значили слова Баккера об истории, которую можно

переписать? Неужели то, что даже год изгнания можно стереть из памяти народа, превратив его в нечто иное? Немыслимо...

Известие о таинственной гостье застигло ее врасплох – Агнесс почти решилась малодушно ретироваться в Виндхунд, оставив судьбу страны другим и посвятив остаток жизни заботам об Антуане.

Хотя сонная горничная умудрилась несколько раз ошибиться в имени незнакомки, Агнесс тут же поняла, кто ждет ее в полутемной кухне, считая минуты, веря и не веря.

Она помнила Гунниву совершенно иной. Давным-давно это была утонченная придворная куколка, созданная для светских бесед и лукавого флирта, наперсница ее шалостей и детских интриг.

За выскобленным столом сидела, сгорбившись, заплаканная светловолосая женщина с тусклым безразличным взглядом. У Агнесс в груди скрутился болезненный узел. Она осторожно подошла и присела рядом, не нарушая молчания, которое было красноречивей любых слов. Взгляд невольно остановился на нескольких продольных царапинах на припухших щеках гостьи, какие может оставить только иступленная скорбь.

– Ты уже знаешь о нем? – Голос Гуннивы был глухим и хрипловатым.

Агнесс не понадобилось задавать вопрос, чтобы понять, о ком идет речь.

– Узнала пару часов назад, – честно ответила она. – А утром слышала стрельбу.

Ее не удивило и тем более не оскорбило то, что бывшая фрейлина не обратилась к ней соответственно титулу, не раскланялась, даже не произнесла слов приветствия. Мрак в желтоватых отблесках угасающего очага и единственной керосиновой лампы уравнивал их, как уравнивал всех женщин, трудившихся в кухонном чаду изо дня в день.

– Я там была. Я была женщиной Мейера, – зачем-то уточнила Гуннива. Только слепой бы не понял этого.

– Сочувствую твоей утрате. – Агнесс с готовностью приняла роль утешительницы и протянула руку, чтобы коснуться острого плеча Гуннивы, но та отпрянула.

– Не думаю, ваше величество. Прежде чем жалеть меня, извольте выслушать всю правду. Если быть предельно откровенной, я бы никому не хотела этого рассказывать, но опасаясь, что ваша милость узнает обо всем от злых языков, а я окажусь лгуньей. Поэтому лучше я сама...

Ее рассказ был долгим, а речь – прерывистой. Агнесс узнала о том, как благородная дочь герцога прошла через череду публичных домов, цепляясь за жизнь и остатки достоинства, как была вызволена из рабства Мейером и как была ему благодарна. Но едва она смогла расправить плечи, ассистент Жоакина начал угрожать, что расскажет президенту об аристократическом происхождении фаворитки – и тот откажется от нее.

Но подлец не успел воплотить свои угрозы. Он сделал нечто худшее.

– Говорят, он не мучился, – простионала Гуннива. – Хотела бы я, чтобы ублюдок страдал за двоих, но нет! Его даже не судили!

Агнесс не знала, что ответить. Она даже не могла поднять глаз на подругу юности. Подобные чувства она испытывала много лет назад, когда ее любимец, коротколапый песик Дарси, возвращался с прогулки перемазанным землей и выкашливал на хозяйскую постель нечто многоногое, пойманное в саду, скользкое от слюны и еще почти живое. Она не переставала любить его, но брезговала гладить, пока питомца не отмывали дочиста.

Настенные часы пробили час пополуночи.

– Презираете меня?

– Нет, – прошептала Агнесс, смахнув выступившие слезы стыда, – что ты, нет. Чем тебе помочь? Боюсь, я могу не так много, но комнат здесь достаточно, и ты вполне...

– Королева Кантабрии может все! – Глаза Гуннивы вдруг загорелись отчаянным огнем. – Если Жоакина признают преступником, и если... если... я не принимала отвар уже несколько

месяцев, – она понизила голос. – Понимаете?.. Если... тогда я погибну! Это хуже публичного дома... Это государственная измена!

Агнесс была королевой считанные секунды – от первого и до последнего слова клятвы, произнесенной в ратуше. Она не чувствовала себя королевой. Она ничего не должна была людям, погубившим ее отца, дом и юность. Но что-то подсказывало ей: если сейчас она откажется от короны, то загубленных жизней будет намного больше.

Пересилив себя, Агнесс взяла Гунниву за руку.

– Расскажи мне о Жоакине Мейере. Все, что знаешь. Тогда, возможно, я смогу что-то сделать.

Не раз за многовековую историю женщины восседали на троне Кантабрии и носили ее тяжелый изумрудный венец. Почти все они были вдовами, и многие становились ими по своей воле. К услугам правительниц были стилеты, яды, шелковые удавки и несчастные случаи. Сольвейг Справедливая избавилась от четырех супругов за двадцать лет своего правления, пока ей не перестали навязывать новых претендентов. Но это только легенды, верить которым – удел челяди.

Агнесс не была вдовой и не хотела ей быть. Но ее платье, маленькая шляпка с пером ворона и даже перчатки, которые она выбрала для появления на Совете, были черными, с павлиньим зеленым отливом. Так она выглядела старше и, как ей казалось, решительнее.

Экипаж проехал по разрушенному Золотому кварталу и остановился у распахнутых чугунных ворот. Агнесс вышла и осмотрелась. Прежде здесь был ее дом.

Когда ей говорили о реставрации дворца, Агнесс представлялись гравюры, изображавшие постройку древних пирамид или замков из камня: истощенные работники вереницами волочат громадные глыбы по деревянным подмосткам, и щелчки десятков кнутов подгоняют их. Но в действительности все оказалось иначе.

Агнесс никогда не видела такого скопления машин в одном месте – клокоча котлами и выпуская клубы пара, они перемещали к верхним уровням стропил каменные блоки и деревянные брусья. Кроме простых строителей в ярко-синих комбинезонах и льняных рубашках, там были архитекторы и инженеры, корпевшие над столами с чертежами под навесами от солнца. Рабочий день был уже в разгаре, но она не увидела того недовольства и усталости, которых ожидала.

Усмехнувшись своей наивности, она подобрала юбку и направилась к восточному крылу. На полпути ее встретил молодой человек в узком жилете и доложил, что ему велено препроводить королеву в Зал Совета. Она не приняла галантно поданной руки, но последовала за ним.

Восстановленная часть дворца была похожа на оригинал, но Агнесс не хватало цветов, картин, портьер, запахов, звуков... и отчаянно не хватало людей. На одном из подоконников она заметила чьи-то акварельные эскизы, среди которых была и зарисовка ее бывшего зимнего сада.

Наконец провожатый остановился у высоких, почти до потолка, дверей, чьи створки были украшены кантабрийским гербом – черный восьминогий конь Слейпнир на белом поле. Юноша хотел было отворить их, но Агнесс покачала головой и жестом велела ему уйти.

Когда он скрылся за поворотом, она прислушалась к происходящему в зале – не из любопытства, скорее из осторожности. Кто знает, что эти люди задумали на самом деле? Что она вообще о них знает?

«Не доверяй никому. Особенно герцогу».

Верховного судьи Спегельрафа наверняка не было на этом Совете. Но люди, которые взяли на себя решение судьбы королевства, должны быть равны ему по уму, силе и коварству.

Невнятный шум распался на отдельные реплики и голоса. Их было много, и все – мужские.

– ... абсурд! Оправдывать подобное – преступно!

– Если вы были столь не согласны с его политикой, то почему никогда не выступали против нее? – произнес, судя по голосу, Кристофер Баккер.

– Учились нейтралитету у Гильдий. Можно подумать, вы пытались что-то ему противопоставить. За ним была армия!

– Мощь страны – в армии! И у руля должен быть военный! Канцлер! Генералиссимус! Латной перчаткой держать вас, крыс бумажных! Что вы со своими бумажками против пули?

«Не доверяй военным, Агнесс. Их купили тогда и купят снова».

– Мы считаем, что Кантабрия уже не может быть прежней. Это республика, и мы требуем выборов. Невероятно, что вы отвергаете очевидное, – это, должно быть, говорил представитель Комитета по правам рабочих, правящей партии Парламента.

– А у вас есть кандидаты? – снова Баккер.

– Нет, но...

– Вот и молчите! – рявкнул военный.

Голоса вновь слились в мешанину вскриков, ударов кулаками о стол и бормотания.

Итак, основные мнения ей уже известны. Если дождаться, пока Баккер упомянет о наследнице престола, – станет ясно, что она подслушивала. Допустить подобное было нельзя.

Двери из выбеленного дуба открылись мягко, почти беззвучно, но все в зале мгновенно умолкли и повернули к ней раскрасневшиеся в пылу спора лица.

– Господа, ее королевское величество Агнесс Линдберг-Спегельграф, – медленно и отчетливо произнес заместитель главы Дома Весов. – Всем встать.

Многие из них уже стояли, опершись на стол руками, будто пытаясь дотянуться до оппонентов. Остальные также поднялись со своих мест, оправив строгие пиджаки и украшенные галунами мундиры.

Почти двадцать человек расположились по обе стороны длинного стола из лакированного красного дерева, а во главе разместился герр Баккер, ее вчерашний гость. Он демонстративно отступил от своего стула с высокой спинкой и жестом предложил его Агнесс.

«Все это – часть игры, которую затеяли Гильдии. Если не пойму правил, то я пропала», – пронеслось в голове девушки, пока она медленно приближалась к дальнему концу стола.

Теперь все облеченные властью мужи словно выстроились перед ней в две ровные шеренги. Судя по всему, Баккер хотел подчеркнуть этим ее статус.

– Перед вами единственная законная правительница Кантабрии. Ее короновали, и все вы присутствовали при этом, – закончил он.

– Но позвольте... – начал было тот, что говорил от лица Комитета.

– Не позволю, – вдруг прервала его Агнесс. Она вспомнила, что подобным образом ее отец, Иоганн Линдберг Четвертый, пресекал споры. – Я буду говорить, а вы слушать. После того как я закончу, у вас будет возможность высказать свое мнение, но не раньше. Королева или нет, прежде всего я дама. Надеюсь, вы более не станете выходить за рамки этикета. Садитесь, господа.

Они повиновались. Не так быстро и одновременно, как отреагировали на ее появление, но все же повиновались.

– В первую очередь я хочу выразить соболезнования по поводу безвременной кончины герра Мейера. Он был преданным слугой Кантабрии и, пожалуй, лучшим премьер-министром, который мог у нее быть.

По залу прокатился приглушенный ропот – они не поняли, что она хотела сказать, назвав бывшего президента премьер-министром.

– В трудный час, – продолжила она, слегка повысив голос, – когда мой супруг, король Антуан, был поражен болезнью, герр Мейер поддержал Корону, взяв на себя заботы о народе. Теперь, когда нет ни его, ни достойной ему замены, я возлагаю эту ношу на себя. Таково мое законное право. И мой долг.

– Гхм, ваше величество... но ведь он поднял бунт! Он причастен к убийству короля, – возразил плечистый генерал с бульдожьей челюстью.

– Это ложь. И у меня есть тому доказательства. Я знаю, что такое преступления против Короны. Назвать вам настоящих преступников? – Совет безмолвствовал. – Герцог Фердинанд Спегельграф – преступник. Он организовал убийство короля и поджог дворца, а после – похитил меня. Он также покушался на жизнь премьер-министра, – Агнесс снова сделала ударение на должности Мейера. – Также доподлинно известно, что на его сторону встала часть военных. К сожалению, их имена утеряны. – Она посмотрела в сторону генерала. – Но это не значит, что я не прикажу провести следствие.

– Ваше величество, – тихо обратился к ней невысокий молодой мужчина с лицом ребенка, – насколько я понимаю, вы пытаетесь предотвратить беспорядки в столице и стране, подправив истину?

– Если этого не сделать, не только Жоакин Мейер – все члены Комитета будут виновны. Им грозит... то, что решит глава государства. Если этим главой буду я, Комитет не прекратит свое существование.

Он удовлетворенно кивнул.

Агнесс ожидала, что они вновь начнут спорить и препираться, но этого не произошло. Насколько она поняла, на Совете присутствовало несколько коалиций: четыре советника, в том числе и новый Верховный судья, семь глав Гильдий, трое от Комитета и трое военных. Среди людей в мундирах она узнала и Вульфа, того, кто защищал их с Антуаном во время свадьбы.

Герр Баккер снова взял слово:

– Поскольку мнения разделились, а Кантабрия еще считается республикой, я предлагаю провести открытое голосование в рамках данного Совета. Итак, президент или монарх?

Один из представителей Комитета, нахмурившись, резко выпрямился.

– Мы не можем согласиться на такое! Нужно время, чтобы появились другие кандидаты!

– Времени у нас нет, – глухо заметил полный молодой человек, который представлял Дом Мастеров. – Еще чуть-чуть – и разразится небывалый скандал. Людям только дай повод выйти на улицы, и они сметут все на своем пути. Или вы забыли, как это бывает? У нас нет права на такой риск. Я готов голосовать.

Больше возражений не было. Агнесс молчала, не считая, что ей нужно еще что-либо говорить. Только ждать.

– Начнем. – Баккер встал, чтобы лучше всех видеть. – Пусть те, кто за новые выборы, поднимут руку.

За республику проголосовали семеро. Как и обещал Баккер, ни один гильдеец не поддержал этот вариант.

– Теперь... – Баккер выдержал паузу. – Пусть *встанут* те, кто признает законную власть королевы Агнесс Линдберг-Спегельграф.

Гильдейцы встали как один. Новый Верховный судья и генерал Вульф остались сидеть, но и рук не подняли.

Последним неуклюже выбрался из кресла с гнутыми подлокотниками невысокий представитель Комитета, который ранее задавал Агнесс вопросы.

– Как же так, герр Йохансон, – вскричал другой политик из Комитета, – вы не можете! Не можете предавать идеалы, за которые сражался герр Мейер!

Йохансон расправил плечи и посмотрел в глаза Агнесс.

– Второго Мейера нет. И не будет. Королева заявила о том, что будет лояльна к Комитету как к партии. Если она не сдержит слова... мы знаем, что предпринять, чтобы с рабочими считались.

– Я даю вам слово при свидетелях, герр Йохансон, что так и будет, – поспешила заверить его Агнесс. Даже в устах нелепого коротышки эти слова звучали серьезной угрозой. – Кроме того, в парламенте пройдут выборы на должность премьер-министра. Вполне возможно, им станет кто-то из вашей партии.

Переглянувшись, поднялись на ноги еще двое из Комитета. Удивительно, но мнение Йохансона было важнее их претензий.

– Голосование окончено. Абсолютным большинством голосов решено – Кантабрией правит королева Агнесс, – резюмировал Баккер. – Слава королеве!

Все выпрямились, как на параде.

– Слава королеве! – повторили они.

– Все так, мой милый. Но я чувствую, что меня не любят. Да и о какой любви может идти речь?.. Народ будет носить на руках того, кто обеспечит им сытость. Военные – больше полномочий. А всем этим советникам только и нужно, чтобы я улыбалась и помалкивала. Нет, любить меня не будут. – Агнесс вновь коснулась прядей Антуана, тонких, как паутина. – Уже завтра моя ложь будет во всех газетах. Ее будут скармливать всем подряд. Но кто в это поверит? Разве что те, кто еще не родился.

– Все это слишком безрадостно, – продолжила она. – Слишком мало было радости в последнее время. Может, хочешь стихов вслух? Музыка? Нет?.. Я знаю, что ты не ответишь. Я ведь не безумная...

Поднимается и опускается резиновая помпа, шипит воздух.

Королева устало сгорбилась.

– Теперь мне придется говорить только с *ними*.

Антуан не мог ее поддержать. Ни сейчас, ни ранее, ни позже. Возможно, он даже не слышал ее. Возможно, он был в своем идеальном мире, который создал его воспаленный мозг. Ни один доктор не смог в точности определить, очнется ли он когда-нибудь от этого сна.

«Королева Кантабрии может все», – сказала Гуннива. Королева, возможно, да. Но Агнесс только предстояло ей стать. В этот вечер она чувствовала себя бесконечно слабой.

Как и в прошлые дни, когда тоска переполняла ее, она потянулась к музыкальной шкатулке, игравшей ее любимый вальс. Кроме крохотной балерины в пачке из проволочного кружева, шкатулка хранила главное средство, придававшее Агнесс силы.

Щелкнул бронзовый механизм, и снизу выдвинулся миниатюрный ящичек. В нем лежало письмо, написанное на тонкой папиросной бумаге. Листок, исписанный мелким изящным почерком с сильным наклоном, скручивался в трубочку, как осенний лист. Писали тупым грифельным карандашом. Агнесс до сих пор вспоминала, в какое недоумение ее поверг мятый конверт с криво, будто в спешке, наклеенными марками. И как поразило ее содержание загадочного письма.

«Моя дорогая Агнесс, моя названная сестра!

Больше никого не осталось в этом мире, кому я могла бы доверить эти строки. Одной только тебе.

Пришло время узнать, какой интригой тебя опутали и во что вовлекли. Я не хотела, чтобы гнусная правда коснулась тебя, но теперь у меня не осталось выбора.

Времени осталось немного, поэтому не стану облекать истину в мягкие формы.

Смерть короля Иоганна на совести моего отца. Моего и Антуана. Он устроил бунт, казнь и пожар. Ничто на свете не может оправдать его подлости.

Антуан болен душевно, и его эксперименты причиняют страдания людям. Он отравляет их и себя. Это нужно прекратить немедленно – или найдутся те, кто сделает это по-своему. Да, его хотят убить. И я ничем не могу ему помочь.

Как только ты выберешься из Виндхунда, тебя попытаются использовать в своих целях, как пытались использовать меня. Прошу тебя, не доверяй никому. Особенно герцогу. Не доверяй военным. Их купили тогда и купят снова. Не верь их словам о том, что ты глупа и ни на что не годишься. Это ложь, призванная заставить нас молчать и бояться.

Я не смогу написать тебе снова. Не знаю, останусь ли я в живых. Но я хочу, чтобы ты помнила обо мне и моих словах.

Прощай.

Твоя подруга, Луиза Спегельраф».

Агнесс бережно свернула письмо и спрятала его в потайной ящичек шкатулки. Так кусок папиросной бумаги может стать могущественным талисманом, придающим сил.

Затем, чтобы заполнить тишину, она откинула ажурную крышку, и заиграла мелодия. Барабан механизма спотыкался на каждой ноте и побрякивал. Разумеется, это не живая музыка. Но и не гнетущее молчание комнаты, где спал ее очарованный принц.

Мелодия текла, запинаясь о подводные камни. Впредь Агнесс будет окружена людьми, а оттого – еще более одинока. Если бы только Луиза была здесь. Хрупкая, но храбрая, не сломленная годами в бедности и безвестности, она вновь исчезла.

Луиза, где же ты теперь?..

#2. Между дьяволом и морем

«Откровенно говоря, я не имею ни малейшего представления о том, как следует вести дневник морского путешествия. Или его называют судовым журналом? Забавно, что я задаюсь этим вопросом только сейчас.»

Итак, если мои подсчеты верны, то сегодня – пятнадцатый день в Межбрежном море. Мы уже должны были достичь Иберии, но по вине штормов отклонились от курса и задержались.»

В трюме грузового судна не всегда доподлинно известно, какое сейчас время суток. Особенно теперь, когда мы проходим близко от берега и нам не позволяют подниматься на палубу. Сам вид неба уже стал роскошью.»

Луиза оторвалась от своих записей. Обычный серо-синий полумрак трюма, наполовину заложенного тюками с неизвестным грузом, был несколько разрежен светом из люка. Она с дневником примостилась рядом с люком: колени – на одной ступеньке лестницы, а дневник – тремя ступенями выше, чтобы видеть написанное.

Когда волны начинали перебрасываться судном, словно мячом, через щели в трюм заливалась ядовито-соленая морская вода.

Братья Линкс и Рехт подарили Луизе один из собственных блокнотов: стопку желтоватых листов, прошитых шпагатом. Блокнот был наполовину исписан формулами и изрисован чертежами. Среди многочисленных дирижаблей, изображенных во всех ракурсах, была и зарисовка обнаженной механической женщины с шарнирами суставов и ключом для завода, выглядывающим из-за клепаного плеча. Луиза не стала задавать вопросов, чтобы не смущать их.

Помимо блокнота, ей также был вручен химический карандаш синего цвета. Вот только если на строки попадала хоть одна капля воды, чернила превращались в малиновые. Поэтому весь дневник морского путешествия переливался сине-лиловым спектром.

Луиза обернулась на своих попутчиков: каждый из них переносил тяготы плавания по-своему. Сложнее всего оно далось Чайке. Первую неделю она не могла есть – ее выворачивало наизнанку, стоило выпить хоть глоток воды. Фабиан был с ней почти все время, что приводило ее в еще большее смущение, вплоть до румянца на зеленоватых щеках, когда юноша держал ее за плечи, не давая свалиться за борт. Теперь девушка могла только лежать в углу, время от времени слабо икая.

Братья Фабиан и Павел держались вместе. Видимо, для того чтобы не сойти с ума от безделья и однообразия. Но карты быстро им наскучили, поэтому они говорили обо всем на свете, пока не засыпали там же, где и сидели.

Якоба держали подальше от всех, потому что находиться рядом с ним было почти невыносимо. Когда заложнику не затыкали рот кляпом, он то осыпал всех проклятиями, то жалобно скулил. Даже Нильса это забавляло совсем недолго.

Сам Нильс обладал завидной способностью спать почти все время. Едва взойдя на борт «Росинанта», он тут же соорудил некое подобие гнезда в самом темном углу и вдобавок отгородился от друзей двумя ярусами ящиков.

Только одного человека не хватало. Без него было так тихо. Так пусто и бессмысленно. Олле.

Олле так и не попал на корабль.

«Знаю, что уже не раз упоминала об этом – не один лист уже исписан кружащими, повторяющимися мыслями. Но сам образ не выходит из головы.»

В тот день у Судейской коллегии палили пушки. Семь залпов, не меньше. Я даже успела испугаться, что за нами, узнав о наших намерениях сбегать за границу с деньгами игорного

дома и герром Краузе, вот-вот явится целый взвод солдат, Но мы так и не узнали об истинной причине выстрелов.

В тот же час за нами явились две шлюпки с «Росинанта» – мы должны были попасть на борт тайно. Олле еще был в городе, и его ожидали с минуты на минуту. Угрюмый моряк с клочковатой бородой резко скомандовал нам садиться в лодки. До сих пор я вздрагиваю при мысли, что придется встретиться со взглядом его неживого глаза, изуродованного бельмом.

У каждого гребца было при себе ружье. Мы бы не посмели медлить, если бы не Олле. Никто не мог представить, как мы будем без него... плыть?.. быть?.. Я не знаю, как быть без него.

Помню, как все пытались убедить моряков задержаться, но те были неумолимы. Даже имя Крысиного Короля, лично повелевшего Олле Миннезингеру отправляться в Иберию, не сыграло роли. Напротив, речь Фабиана вызвала только издевательский гогот. Удар прикладом о хребет Дюпона заставил всех нас закрыть рты. Говорят, так поступают с рабами в пустынях – избивают одного, чтобы устрашить и подчинить сотню.

Я заметила его, когда мы уже отчалили. Он бежал по берегу, одной рукой прижимая к груди свертки, а другой удерживая котелок на затылке. Он кричал во весь голос, чтобы его дождались, не отплывали слишком далеко. Зная Миннезингера, я готова поклясться, что он бы догнал нас вплавь...»

Малиновая клякса немилосердно размыла последние два слова. Луиза быстро вытерла следующую слезинку, готовую скатиться по подбородку.

Ну вот опять!..

Ей еще ни разу не удалось достоверно перенести на бумагу свое воспоминание о том моменте.

Каждый раз она в досаде закрывала блокнот, когда приходилось говорить о том, как следом за Олле из-за угла склада выбежали трое людей Крысиного Короля и набросились на него сзади. Бандиты повалили его на серый песок, смешанный с острой галькой и осколками стекла, и заломили ему руки. Секунды превратились в студень, который гасил звуки голосов и замедлял движения. Последнее, что увидела Луиза, перед тем как ей на голову накинули мешок, была ладонь Олле, простертая в отчаянном жесте в сторону удаляющихся шлюпок.

Что стало с ним? Никто не хотел даже гадать.

Она еще раз украдкой огляделась, чтобы удостовериться, не видел ли кто ее слез? Но в этот ранний – или поздний? – час бывшая труппа Крысиного Театра еще – или уже? – дремала, каждый на своей скудной лежанке.

Луиза Спегельграф, герцогиня и швея, художница и авантюристка, сменила несколько имен и укрытий, прежде чем оказаться в этом темном душном трюме.

Сверху раздалось три удара – условный знак, что можно выйти на палубу. Но вместо того чтобы отойти от люка, невидимый моряк прокаркал сверху:

– Выбирайтесь, Крысы! Земля на горизонте! – Он ударил в крышку подкованным каблучком еще раз, чтобы убедиться – его услышали, и не спеша удалился.

Заспанные и измученные долгим путешествием, все собрались в центре трюма. Нильс первым понял, что происходит, и перерезал веревку, которой Якоб Краузе был привязан за руки к стальной перекладине.

– Значит, все? На берег? – переспросил Павел.

– А что, кто-то хочет еще поплавать? – вяло огрызнулся Нильс. – Собирайте свое барахло, не то больше его не увидите.

Последовав примеру остальных, Луиза сложила в маленький брезентовый мешок свой блокнот, карандаши и другие мелочи. Нож, подаренный Олле, она хранила в незатейливых кожаных ножнах, которые крепились к ноге у щиколотки и были незаметны при ходьбе. Носить оружие за голенищем, как мужчины, она побоялась.

Неужели Нильс, бывший бандит и каторжник, теперь займет место Олле и станет лидером? Нет, немислимо. Недопустимо. Его горячий, порывистый нрав мог подвести всю труппу. Досадливо закусив губу, Луиза затянула шнурок на горловине мешка и поспешила вверх по лестнице.

Кораллово-алый закат ослепил девушку, едва она ступила на палубу: мазки света поджигали перистые облака на горизонте и отражались в мелкой ряби волн дорожкой к солнечному трону. Но взгляды ее спутников были прикованы вовсе не к небесному чуду. С востока на них надвигался берег. Тонкая полоса земли становилась все шире, являя свой изломанный ландшафт.

Отправляясь в Иберию, Луиза ожидала увидеть сахарную полосу прибрежного песка и лазурный шельф. Но юг встречал ее неприметной бухтой в окружении когтистых скал. Земля будто лежала на ладони морского демона, изумленно глядящего на этот клочок суши, который ему удалось оторвать. С таким же любопытством первооткрывателя смотрели на берег и друзья Луизы.

С резким воплем пролетела над их головами грязно-белая чайка, а за ней еще несколько.

Между тем «Росинант» замедлял ход, пока его могучие лопасти не замерли. Моряки, напротив, засуетились вокруг. Смуглый старик, чьи усы закрывали рот, сливаясь с бородой, повернул к левому борту своеобразный журавль с огромным прожектором на конце. Путникам пришлось потесниться, чтобы не мешать его таинственным манипуляциям.

Моряк поплевал на ладони, взялся за длинный шнур и несколько раз с силой дернул его на себя. Внутри аппарата затарахтело и застучало, а за стеклом сначала блеснула раскаленная нить, а после вырвался мощный луч света, разрезая зыбкие сумерки на две части.

Братья хором ухнули и потянулись было к прожектору, но свирепый взгляд старика заставил их отпрянуть вновь. Бородач покосился в сторону бухты и повернул рычаг. Луч тут же сжался в точку, скрылся за спиральными лопастями, словно зрачок, и снова расширился. Матрос повторял эту операцию снова и снова, придерживаясь определенного ритма.

– Сигнал посылает, – шепнул спутникам Рехт, раздуваясь от гордости за свою догадку.

– И без тебя все поняли, – ревниво буркнул Линкс и отвернулся к берегу, но тут же подскочил на месте. – О-о! Отвечают! Смотрите!

Действительно – другой луч мигал в ответ с еле различимой вдали башни – видимо, маяка. Луиза заметила, как Фабиан нервно поправил широковатые рукава и воротник своей заношенной, в разводах пота, блузы, будто готовился к важной встрече. Да и всех их ожидало свидание с неведомой судьбой.

Все были чрезвычайно напряжены, и только Чайка немного приободрилась – ей не терпелось покинуть судно. Павел и Нильс тихо спорили, стоит ли завязывать глаза Якобу. Чтобы их разговор не коснулся чужих ушей, Павлу пришлось нагнуться и сравняться ростом с бандитом.

– Нельзя рисковать, – бубнил Павел. – Руки руками, да и кляп не виден, пока не присмотришься. А вдруг стража?..

– Ты так корову на базар поведешь, а меня не учи! – Нильс потуже затянул кожаные ремешки, которыми подвязывал свои тонкие косицы викинга, как перед боем. – Думаешь, мне впервой?

– Нет, не думаю, – задумчиво протянул Павел и выпрямился так, что его собеседнику пришлось запрокинуть голову. – Но ведь не в Иберии, да? Что ты знаешь про местных и их порядки?

Нильс ухмыльнулся, обнажив темные провалы там, где должны были быть клыки.

– Знаю, что тут есть даже более прожженные шельмы, чем я. Не говоря уже о страже. Тут все покупается, сечешь? И кому надо – уже заплатили. Так что не трясись так, не то шлюпку потопишь.

В тот же миг, точно в ответ на его фразу, раздался протяжный крик:

– Шлю-упки! На-а воду-у!

Под неприязненными взглядами моряков труппа Крысиного Театра вместе со своим пленником разместилась в двух лодках, которые покачивались у борта на толстых канатах, закрепленных крюками. Луиза зябко обхватила себя за локти – безобразный Харон с бельмом на глазу в числе прочих гребцов снова готов был взяться за весло, чтобы сопроводить их на берег.

Темнота стремительно отвоевывала небо у гаснущего дня, и огни бухты засветились ярче.

Заскрипели тугие канаты, спуская шлюпки все ниже. Местами краска лохмотьями отставала от обшитых металлом бортов, которые неотвратимо вырастали над головами путников. Теперь «Росинант» казался громадиной, заслонившей горизонт. Почти беззвучно днища лодок коснулись воды, гребцы отцепили крюки и погрузили весла в черные волны. Цель долгого путешествия была уже близка.

Иберийский воздух встретил их на полпути, коснувшись обоняния чуждым горьковатым запахом то ли цветов, то ли брошенных в костер листьев. Приглядевшись, Луиза могла уже различить в тени скал очертания скромного поселения с домами непривычных форм. Они походили на осиные жилища, плотно прижатые друг к другу и наползающие на каменный склон. Самые дальние из домов были выдолблены прямо в скале.

Девушка обратила внимание, что у Чайки не было с собой никакой клади, в то время как сама она прижимала к груди мешок с пожитками и своей долей денег, припрятанных на дне в комке белья.

– А где твои вещи? – поинтересовалась Луиза шепотом.

– При мне, при мне. Как обычно. – Подруга красноречиво покосилась на свой вечный сливовый пиджак, и Луиза вспомнила про обилие потайных карманов, вшитых картежницей в подкладку. – А ты что как паломница с узелком? Дай помогу.

С этими словами она взялась за шнур от горловины и обвязала его вокруг талии Луизы на манер пояса. Узел показался девушке слишком сложным, чтобы распутать его самостоятельно.

– Вот! Так оно надежнее.

Тем временем Братья, которые оказались с ними в одной шлюпке, сосредоточенно возились с собственной поклажей. Что-то таинственно брэнчало и перекатывалось в недрах их котомок.

Их друзья вместе с пленником оказались на борту другой лодки, державшейся впереди. Не было ни малейшей возможности заговорить с ними или услышать, о чем они беседуют между собой. Хотя, скорее всего, они плыли молча.

По мере того как приближался некогда недостижимый берег и выступали из тени очертания пирсов и рыбацких суденышек местных жителей, волнение переполняло грудь Луизы, как раскаленный воздух наполняет полость дирижабля. В какой-то момент она поняла, что не дышит.

Бухта безмолвно ожидала их прибытия. Не слышно было голосов домашней птицы, не лаяли собаки, не ржали кони. От этой тишины пересохло горло.

Вильнув в сторону, лодки проплыли мимо темного причала, и гребцы подняли весла на отмели, в нескольких метрах от берега. Там, выстроившись в неровный ряд, их ожидала

дюжина мужчин, не меньше. Издалека их фигуры казались вбитыми в песок столбами из дерева, но эта неподвижность была обманчива. Им нужен был Якоб.

Повинуясь приказу старшего гребца, путники выбрались из шлюпок и оказались по бедро в нагретой солнцем воде. В этот момент Луиза позавидовала мужчинам, которым было не так сложно шагать в намокшей, отяжелевшей одежде, как им с Чайкой.

«Скоро все кончится, – твердила она себе, – скоро я забуду обо всем плохом. Начну новую жизнь».

Нильс вел пленника, крепко держа его за руки, связанные за спиной и приставив острие ножа к впадине на шее, под самым ухом. Несложно было догадаться, что за угрозы он шипит Якобу в затылок. Этого ли хотела Луиза, когда предлагала передать мошенника Краузе его врагам? Нет, ее воображение было не настолько живым, чтобы представить такую мрачную картину.

Наконец они ступили на сушу. Следом за ними вышел и косматый Харон, ожидая, что гребцам заплатят, и остановился у самой кромки воды.

Теперь группа могла в деталях разглядеть встречавших их бандитов. Вся одежда последних говорила о том, что они принадлежат к одной группе и горды это подчеркнуть: одинаковые черные колпаки на головах, жилеты на голое тело и обрезанные чуть ниже колена узкие штаны. На икрах некоторых красовались крупные, ничем не скрытые татуировки, изображавшие крысиный след. Здесь их носили напоказ. Трое мужчин, стоявшие впереди остальных, повязали на лица яркие косынки, оставив на виду только глаза и брови.

– Стоять! – крикнул один по-кантабрийски, когда между ними оставалось не больше десяти метров. – Ни шагу больше!

Друзья переглянулись, а Нильс только сильнее стиснул рукоять ножа. Якоб замычал и дернулся в сторону, уходя от прикосновения лезвия.

– Мы люди Теодора Крысиного Короля! – так же громко отозвался Фабиан. – Нас должны встретить.

– Считаю, встретили, – холодно ответил второй бандит.

– Так вы его заберете? – Расхрабренный Фабиан кивком указал на пленника.

– Сначала нам нужно убедиться, что вас не подослали. Покажите метки!

– Что, все? – уточнил Дюпон, дрогнув голосом.

За время плавания вся группа успела узнать, что татуировка Чайки была фальшивой.

– Двоих достаточно, – отрезал тот, что заговорил первым. – Ты, болтун, и рыжая девка. Сюда. Босиком!

Только ощутимый тычок в спину от одного из Братьев вывел Луизу из оцепенения. «Рыжая девка» – это она. И сейчас она должна будет предъявить свою позорную татуировку, знак причастности к преступному миру. В противном случае...

– Ну, поживей там!

Девушка быстро сняла туфли и прошла вперед, чувствуя, как нагретый за день песок липнет к ногам. Фабиан немного отстал, так как провозился с обувью чуть дольше.

Бандит присел на корточки и склонил голову набок, пристально рассматривая рисунок на ее ступне. Затем царапнул След кривым ногтем. Луиза вздрогнула, но не от боли. Если бы на ее месте оказалась Чайка!..

Точно так же другой осмотрел татуировку на щиколотке Дюпона. Мужчины в косынках переглянулись.

– Чисто вроде. За вами следили?

– Мы на ваших глазах сошли с корабля, – терпеливо пояснил Фабиан. – С нами только гребцы «Росинанта». Ну так что, вести Краузе?

Снова обмен молчаливыми взглядами. Луиза отметила про себя, что иберийцы должны быть темноглазыми и смуглыми. Эти мужчины ни цветом глаз, ни акцентом не отличались от ее соотечественников. Беглые преступники, каторжники, разбойники. И она ничем не лучше их.

– Вы. Стойте здесь. Ты, – предводитель в косынке поднял руку, явно обращаясь к Нильсу, – веди! Медленно, чтобы мы все видели!

Солнце уже полностью погрузилось за горизонт, не оставив и отблеска. В темноте бледными пятнами выделялись лица и руки друзей Луизы. У лодок чья-то невидимая рука подождла ряд факелов.

Не успел Нильс сделать и полдюжины шагов, как со стороны скал послышались выстрелы ружей и конский топот. Якоб резко вывернулся из хватки, побежал в сторону селения, но упал лицом в песок и попытался ползти, балансируя связанными за спиной руками. Нильс бросился было вслед за ним, но тут же ему пришлось отскочить прочь, чтобы не быть затоптанным гнедым конем.

– На землю, – закричал Фабиан и повалил Луизу. – Туда! За валуны!

Они едва успели скрыться за камнями. Над головами грохотали выстрелы и раздавались крики на смутно знакомом языке. Мелькали сапоги и подковы. Запахло порохом и железом.

– Нам нужно к остальным! – Луиза потянула Фабиана за ворот, потому что больше ни до чего не смогла дотянуться. – Мимо деревьев и в лодку!

Но стоило ей бросить взгляд туда, где раньше стояли ее спутники, как она вскрикнула и зажала рот ладонями.

Великан Павел корчился в набегающей пене приливных волн, прижимая к груди кулаки и отчаянно разевая рот, как рыба. Рядом с ним никого не было, только тело бельмастого гребца виднелось черной корягой.

Луиза попыталась дозваться Дюпона:

– В него стреляли! Мы должны ему помочь!

– Нас убьют! Все попрятались, видишь! – Фабиан еле удерживал ее в укрытии.

– Ты трус! – взвизгнула девушка и с силой лягнула его.

– Да, трус! Трус! Я хочу жить, и ты тоже хочешь!

Перед ними, затаившимися в густой тени, рухнуло тело, булькающее перерезанным горлом. Один из людей Крысиного Короля. Нильс, не отерев ножа, с ревом бросился обратно в гушу схватки, взрывая берег башмаками.

Ночь выла и скрежетала, грохотала и истекала кровью в жадный песок.

– Кто они? Кто эти люди? Они знали наверняка, на кого нападают. – От страха мозг Луизы заработал, казалось, быстрее обычного. – И Якоб...

– Головорезы Борислава, готов поклясться. – Дюпон тоже выглядел сосредоточенным. – Кто ж еще? Гляди! – Он, резко подавшись вперед, указал кивком. – Я вижу Рехта и Линкса!

Прищурившись, Луиза тоже заметила две почти одинаковых фигуры у причала.

– Мы должны добраться до кого-то из наших, – убежденно зашептала она. – Иначе мы погибнем, разделившись!

Фабиан помедлил с ответом, но вынужден был согласиться.

– Давай сначала подберемся к лодкам. Ты бежать сможешь?

Юбка Луизы от мокрого песка стала точно гипсовой. Девушке удалось извернуться, ухватить подол и разодрать его по шву до середины бедра – было не до приличий.

– Теперь смогу.

Как только они приготовились к спасительному рывку, раздались вопли:

– *Alguaciles! Alguaciles!*

– Стража! – сообразил Фабиан. – Что теперь?..

– К лодкам, – решительно ответила Луиза. – Они не станут разбираться, кто мы!

И первой бросилась бежать, пригнувшись, чтобы шальная пуля не догнала ее в потемках.

Но Братья, не заметив, что к ним спешат свои, внезапно изменили направление и побежали к ущелью между скал, где можно было угадать тропу. Подавив возмущенный вопль, Луиза свернула следом. Она изо всех сил старалась держаться подальше от боя, в который уже вступили альгуасилы со своими старинными, но смертоносными орудиями, и все время оборачивалась, чтобы не потерять Фабиана.

Но тут перед ней возник из мрака всадник с горящим факелом в руке. Его белый конь, расписанный широкими полосами боевого рисунка, встал на дыбы, перебирая копытами в воздухе. Ибериец что-то прокричал, но Луиза не поняла ни слова и побежала прочь.

Петляя, как затравленная лиса, она уже почти достигла ущелья, где скрылись Линкс и Рехт, как вдруг босой ногой наступила на что-то скользкое. Ее колено пронзила боль – сустав на мгновение сошел со своей оси, но с хрустким щелчком вернулся.

Луиза упала.

Под ней было чье-то рыхлое тело, залитое словно бы горячими чернилами, так предательски ее подстергшими.

Над ней было небо – бездонное и дикое, как омут.

Впереди была тропа, достигнув которой она надеялась спастись.

Позади раздался крик Фабиана, вдруг выбившийся из какофонии сражения.

И конский топот. Он приближался.

Превозмогая боль, осколком металла ворочавшуюся в ответ на каждое движение, Луиза вновь поднялась на ноги. Она спешила как могла, но все же опоздала.

Со знакомым хлопком там, где секунду назад были фигуры друзей, расцвело и расползлось, как опухоль, багровое облако дыма и краски. Чтобы сбежать, Братья использовали свое старое средство, которым в Хестенбурге разогнали толпу у ратуши.

Но девушка не потеряла надежду и, отчаянно хромя, устремилась к облаку – еще был шанс обнаружить друзей там.

– Луковка, сзади! – закричал Фабиан ей вслед.

Какая-то сила оторвала Луизу от земли, вцепившись в воротник и растрепавшиеся волосы. Ее швырнуло вверх, в сторону, вниз, вышибло воздух из легких. Мир перевернулся и помчал девушку вперед. Боль она ощутила только через пару секунд – та захватила все ее внутренности, резанула затылок и эхом отозвалась в вывихнутом колене.

Еще через миг пришло осознание – Луизу схватили и, как куль муки, перебросили через коня перед наездником. Девушка попыталась вырваться, но чужая рука держала крепко, придавив ее к взмыленному животному. До ножен было нипочем не дотянуться. Перед глазами мелькали земля, могучий белый бок в узорах да вспышки орудий и факелов.

Если сейчас упасть, то позвоночник треснет, точно ветка. Поэтому, подчинившись инстинкту, одной рукой она вцепилась в подпругу, сдирая в кровь костяшки, ломая ногти о пряжки и ремни.

Конь сделал круг по окровавленному пляжу и вернулся к ущелью, где уже улегся красный дым.

Повсюду лежали тела. Часть их уже стащили в кучу и подожгли на них одежду. Курган чадил и тлел. Женский вой, начавшийся с одной высокой скорбной ноты, разрастался, достигая вершин скал и улетаая в небо. Один из коней потерял всадника и был ранен: он жалобно ржал и запрокидывал голову, но не мог подняться. Двое иберийцев заламывали Дюпону руки. Привиделась ли ей эта жестокая картина или так все и было?

Где остальные? Живы ли?

– *Vámonos!* – громыхнул над головой голос ее похитителя, и выстрел из ружья в воздух вторил ему.

Их язык был так похож на александрийский, которым ее восемь лет мучили во дворце, что Луиза поняла – это приказ уходить. Связанного Фабиана взвалили на лошадь, точь-в-точь как ее саму.

– *Vámonos! Jey-ya jey! Vámonos todos!* – откликнулись бандиты на властный призыв.

Глухой перестук множества копыт приближался. Предводитель развернул коня и первым въехал на тропу в ущелье. Не в силах повернуть голову вперед, Луиза видела только обступивший ее мрак каменных стен.

Шнурок на поясе распустился до предела, сполз вниз по ребрам, а сам мешок с вещами Луизы бил ее по лицу в такт галопу коня, не давая погрузиться в спасительное забытье.

Пощечина, пощечина, пощечина. Снова и снова. Проклятые деньги «Эрмелина», увесистые рулоны купюр, перетянутых тугими каучуковыми кольцами. Не скрыться, не уйти от мучительных раздумий.

«Вот твоя доля богатства! Вот твоя новая жизнь!» – зло думала девушка, безропотно принимая эти удары.

Бандиты останавливались только один раз, чтобы перевязать товарища, которому пуля впилась в руку. Он кричал и ругался по-иберийски, пока ее извлекали, но остальные ему не отвечали.

Душная ночь была безмолвна. Ущербная луна скупо освещала путь по открытой, безлесой местности, но Луизе удалось разглядеть во время того привала, что, кроме нее с Фабианом, пленников не было.

Дюпон был без сознания. Волнистые каштановые волосы маркиза грязью облепили его лицо. Было неясно, получил ли он какие-то увечья.

Как только с перевязкой было покончено и раненый со стоном взгромоздился на своего скакуна, бандиты связали Луизе ноги. Стреножили, как животное. Она притворилась, что потеряла сознание, как Фабиан, а потому избежала кляпа и других пут.

Скачка возобновилась.

Луизе было дурно, почти как Чайке в первые дни путешествия по морю. Цветные пятна перед глазами, сначала мелкие и редкие, напоминали теперь стаи пестрых бабочек. Это зрелище вызывало тошноту.

Когда-то давно... нет, недавно, всего полгода назад, она узнала о преступлениях своей семьи. Против родных, против страны, против народа. Мать, погубившая сестру, отец – убийца короля и государственный изменник, брат – безумный отравитель. Сама она представлялась себе чистой, затронутой злом лишь снаружи, но не внутри. Она скорбела об их грехах, стыдилась, горевала.

Теперь в этом не было нужды – ей доставало собственных проступков. Все ее друзья сгинули, а она не пришла к ним на помощь, думая только о своем спасении.

Линкс и Рехт исчезли. Ни следа хрупкой Чайки. Нильс, должно быть, лежал в основании пирамиды из тел на берегу. Всех разметало, как взрывной волной. А Павел... Бедный Павел! Как долго будет надеяться его жена, что в один день он возникнет на пороге, заслонив громадной фигурой весь мир?.. И для того ли Луиза ненадолго переживет его, чтобы оплакать?

И Олле. Если бы он только был с ними, если бы он только был жив! Слезы заструились по вискам, теряясь в волосах.

В какой-то момент общий галоп сменился трусцой, и к похитителю Луизы приблизился другой всадник. Он о чем-то спросил. Девушка не смогла перевести вопрос, но в нем прозвучало слово «два» или «двое». Должно быть, речь шла о пленниках. Луиза напрягла иссякающие силы разума и прислушалась, что скажет главарь, решая их судьбу.

Вожак долго думал над ответом, но все равно его слова показались ей туманными и почти издевательскими:

– Пусть решает Дьявол.

#3. Пустой постамент

Пальцы служащего таможни скорее напоминали пальцы механика, чем клерка. Подушечки были покрыты сетью мельчайших черных трещин, которые не отмыть самой упорной возней с мылом и щеткой. Что это? Машинное масло? Уголь? Как бы то ни было, они не оставляли следов на документах, которые таможенник рассматривал, сосредоточенно сопя.

Сам Юстас тоже пристально вглядывался в тонкую книжицу в обложке из зеленой тисненой кожи – если бы не она, в глаза бы сразу бросились новизна картона, идеально прямые углы и прочие признаки свежего документа.

Но краска печатей и чернила надписей все равно выглядели слишком свежими. Юстас даже придумал оправдание на случай, если таможеннику придет в голову обратить на это внимание. «Паспорт был украден в прошлом году. Я прошел все официальные процедуры, чтобы получить новый документ», – эта фраза повторялась у него в голове, словно написанная на ободе вращающегося колеса, на котором конец предложения почти сливается с его началом. «...новый документ. Паспорт был украден...», – твердил в уме Юстас. Эта фраза была его оберегом, его молитвой. Юстасу было чего страшиться.

Медный чайник на газовой плитке за спиной таможенника зашелестел, закипая, но тот не обращал на него внимания. В торжественном молчании он продолжал мусолить страницы документа, вглядываясь в каждую строчку. Разумеется, паспорт не был подделкой в полном смысле этого слова. Герцог Спегельграф был слишком предусмотрителен, чтобы дать своему ассистенту фальшивые бумаги, которые могли привлечь внимание властей. Фальшивым в новом паспорте Юстаса было только его новое имя.

– Герр Магнус Берч, значит, – протянул наконец таможенник. – Тридцать шесть лет, холост... Пошлина уплачена, – он не спрашивал, просто повторял вслух то, что видел.

Юстас приготовился было отвечать на вопросы, но их не последовало. Только тихо хрустнула бумага, когда неуклюжие пальцы перевернули очередную страницу. Ассистент герцога почувствовал, как возвращается прежняя нервная дрожь, которую, он думал, удалось обуздать за пять дней бегства из столицы к самому захудалому пограничному пункту. Сюда, должно быть, и новости приходят на полмесяца позже.

Спасительная фраза об украденном документе улетучилась, стоило ему вспомнить о том, как они с герцогом добирались сюда.

Пять дней они путали следы. Почтовые кареты, дилижансы, омнибусы. Пять дней почти полного молчания. Патрон никогда не отличался разговорчивостью, но здесь превзошел самого себя, словно каждое произнесенное слово отнимало у него месяц жизни. Поначалу Юстас недоумевал. Позже злился. В конце концов он начал бояться.

Оставшись наедине с собственными мыслями, Юстас сполна распробовал их горечь. Покушение на президента и убийство полицейского тревожили его гораздо меньше, чем то, что Ян видел последним.

А Юстас видел глаза Яна в тот момент. Мальчишка навсегда запомнит старшего брата таким: ослепленным властью оружия, целящимся в раненого офицера. Нажать на курок было проще, чем вспоминать об этом.

Но перепуганный выстрелами Ян, труп с простреленной шеей и взбешенный Жоакин Мейер отходили в тень, когда Юстас вспоминал о приказе герцога: патрон приказал ему убить его, герцога, сына, которому хватило глупости перейти на сторону народного правительства. Возможно, молчание Спегельграфа было вызвано тем, что Юстас не смог исполнить приказ.

Еще в раннем детстве, когда Юстас только начал осознавать себя чем-то отдельным от матери, он понял, что отличается от других детей. Он не был шумным и суетливым, общитель-

ным или, что хуже, болтливым. Изю всех сил он старался быть похожим на тот далекий идеал взрослого, каким тогда казался отец.

Но Юстас рос и замечал в отце все новые и новые недостатки. Идеал начал блекнуть, пока вовсе не потерялся в несуразностях рутины. Но Юстас уже знал, чего стоит добиваться.

Когда он впервые встретил герцога, тот еще занимал пост Верховного судьи Кантабрии. Он был ближе всего к образу собранного, невозмутимого мужчины, к какому Юстас Андерсен стремился долгие годы, дав ему гордое имя – «сверхчеловек». Герцог не проявлял эмоций и не бросался словами. Юстас многим рискнул, чтобы стать его ассистентом. А позже – шпионом.

Но пять дней молчания и невозмутимости после того, как он приказал убить собственного сына... Юстас начал сомневаться: а человек ли герцог Спегельраф?

Сжав трясущиеся крупной дрожью руки, он обернулся на патрона. Тот уже прошел собеседование по поводу пересечения границы и ожидал Юстаса на жесткой скамье, покрытой лаком поверх всех неровностей и бугров. В его уверенных руках была вечная записная книжка в темно-зеленой обложке. Страницы в ней были исписаны мелким ровным почерком, но Юстасу не удалось бы прочитать ни строчки – герцог явно использовал некий шифр. Его спокойствие было спокойствием огромной ящерицы на камне.

– Та-ак... – подал голос таможенник.

Но продолжения вновь не последовало. Вода в чайнике с гнутыми боками загудела чуть громче. Герцог перелистнул еще одну страницу. Юстас разжал влажные пальцы и снова стиснул их.

Не объяснив ни цели, ни причин, этот безмолвный истукан сделал его частью своих планов и преступлений. Сломал ему жизнь и карьеру, не предложив ничего взамен. И притащил его в эту глушь, к читающему по складам остолопу и его чайнику. Шелест бумаги в фальшивом паспорте звучал в унисон страницам записной книжки герцога.

Юстасу хотелось закричать. Всего три коротких вопля вроде тех, которыми олени предупреждают сородичей об опасности.

Тут чайник пронзительно засвистел, и гнетущая бумажная тишина рассыпалась. Таможенник точно очнулся от своей бюрократической дремоты и поспешил к плитке, заложив паспорт толстым пальцем ровно посередине. Юстас почувствовал, что гнев и тревога разом покинули его, как звенящий пар. Он просто устал и потерял самоконтроль.

Когда служащий вернулся за стол, загроможенный гроссбухами и папками в чернильных кляксах, ассистент герцога был готов взять ситуацию в свои руки.

– Я так понимаю, главным вопросом остаются цель и срок визита в Малые Земли? – начал он. – Но, как умный человек, вы понимаете, что они совершенно идентичны целям и сроку моего начальника, герра Кайсера. То есть цель – заключение торговых сделок на территории различных феодалов. При герре Кайсере я состою счетоводом.

– А-эм-м... – приподнял косматые брови таможенник. – А сроки?

– Сроки зависят от сговорчивости наших партнеров. От двух до пяти месяцев.

Служащий помедлил еще минуту, осмысливая полученную информацию, а после подышал на прямоугольную печать, поставил в документах красный оттиск и вписал в него тот же срок, что и герцогу Спегельрафу до этого – полгода. Наконец он встал, протянул паспорт Юстасу и вытянулся по всей форме, готовясь произнести стандартную фразу при пересечении границы:

– Куда бы вы ни отправились, Кантабрия ждет вас обратно.

Малые Земли, которые также обобщенно называли феодалами, представляли собой лоскутное одеяло крошечных государств, баронств и прочих мелких земельных наделов, которое постепенно перекраивалось войнами и браками между соседями. Сколько феодалов было точно –

никто не мог сказать. Достоверно было известно лишь одно: каждый мало-мальски обеспеченный кантабриец студенческого возраста отправлялся туда в разгульное паломничество, один либо в компании таких же шумных молодых друзей.

Причин на то было две. Первой был привлекательный курс гульдена относительно всех местных валют. Другими словами, обладая даже незначительной по столичным меркам суммой, можно было почувствовать себя королем. Королем очень пьяным, ведь в каждом феоде обязательно был «собственный» напиток, сваренный местными мастерами по «секретному» рецепту, передаваемому из поколения в поколение. И хотя все эти виды густого травяного пойла мало чем различались между собой, заведений, где их подавали со своеобразной наивной помпезностью, было более чем достаточно.

Второй причиной были женщины. Точнее, их доступность. И дело было даже не в мизерной стоимости услуг продажных девок, а в том, с какой готовностью местные землевладельцы, в том числе очень богатые, готовы были породниться с гражданином Кантабрии. Юстас лично знал пятерых дворян, соблаздившихся перспективой стать «царьком одного холма». Это было еще до переворота, и тогда он посмеивался над их решением.

Юстас посещал Малые Земли лишь однажды. Едва ли что-то заставило бы его оторваться от изучения александрийских трактатов по юриспруденции, если бы не знакомство с первокурсником Леопольдом Траубендагом. Нынешний секретарь президента всегда был привязчив, как щенок. Если не сказать – навязчив. С большим облегчением Юстас прекратил бы это общение, но было в Леопольде какое-то бесхитрое, щедрое обаяние баловня судьбы. Это были два самых беспорядочных и беззаботных месяца в жизни Юстаса. Это было еще до того, как Леопольд загорелся идеей собственной колонки в газете и был изгнан. Задолго до того, как встретил Мейера.

Так или иначе, но тот самый вояж по Малым Землям не затронул феода, в котором оказались они с герцогом. Последние конфликты из-за пограничных земель, несущественные для такого могущественного соседа, как Кантабрия, отгремели здесь около века назад, но эхо до сих пор звучало в Бодегани. Не поля, а погосты. Не величественные руины старинных крепостей, а обугленные каменные остовы. Не город, а городишко с деревянной пожарной колокольней, проступивший за мутными стеклами экипажа.

Юстас, измотанный долгой дорогой, понадеялся было, что здесь их ждет ночлег, но вскоре понял, что ошибся. Герцог, едва они покинули переполненный дилижанс, тут же направился к зданию железнодорожного вокзала. Оно совмещало в себе и зал ожидания, и билетную кассу, и лавочку, где путешественники могли купить необходимые мелочи.

Скорее по привычке, чем по собственному желанию он зашагал следом за патроном. Мысли Юстаса обращались то к выкрашенной желтой краской харчевне с непроизносимым названием, то к горячей ванне и бритью, без которых он не привык обходиться так долго. Герцог наклонился к окну билетера и обратился к нему на наречии, понятном во всех феодах. Юстас умел на нем изъясняться, но не так бегло, как герр Спегельграф: до того как посвятить себя букве закона, тот служил ассистентом при кантабрийском поселе. Это могло бы стать началом блестящей карьеры дипломата, но по каким-то причинам не стало.

Из разговора с угрюмым билетером, обладателем кривого носа и подслеповатых болотно-зеленых глаз, Юстас понял, что отдыха не будет еще несколько дней. Их путь лежал в Валликрав, город-крепость, расположенную в самом сердце Малых Земель. Справившись о ближайшем поезде до Валликрава и купив билеты, герцог наконец обратился к ассистенту. Впервые за долгое время.

– У тебя есть шесть часов. Делай, что нужно. Вот деньги. – Он извлек из нагрудного кармана небольшое портмоне и протянул его Юстасу. – Если через шесть часов тебя не будет на перроне, я уеду один.

Как обычно, он не произнес ни единого лишнего слова, не сделал ни одного жеста из тех, которые обычные люди совершают рассеянно или по привычке, выдавая свои тайные помыслы и эмоции. Тем не менее Юстас испытал почти облегчение, получив указания столь четкие, что они не нуждались в пояснениях.

Но все же он спросил:

– А вы? Где вы проведете половину дня?

Герцог взглянул на него как на слабоумного, пробормотавшего что-то на своем языке.

– Я буду здесь, – отрезал он и отвернулся, прекращая разговор.

Только коснувшись засаленной дверной ручки харчевни, Юстас позволил себе обернуться и увидел у бензинового фонаря одинокую сухопарую фигуру Фердинанда Спегельрафа, не гнущуюся под резкими порывами пыльного ветра.

После обеда, который камнем лег в сжавшийся от тягот путешествия желудок, хозяин харчевни предложил ему снять комнату. Но Юстас ограничился едва теплой ванной, расплатился и покинул заведение. До назначенного времени было еще около четырех часов, но о том, чтобы вернуться на станцию, не могло быть и речи.

Первым делом он разыскал лавку, где торговали газетами. Помимо газет, там продавались мотки цветных ниток и липкие пряники с изображением бегущего зайца. Юстас бегло проглядел заголовки. К счастью, в пограничном городке торговали и кантабрийской прессой. Газеты говорили о событиях даже более давних, чем он полагал: ни слова о террористах и покушении. Это значило, что он, беглый преступник, мог спокойно исследовать Бодегань, не опасаясь местной полиции или слишком цепких взглядов.

В любом незнакомом городе, особенно провинциальном, легче всего найти главную площадь: достаточно идти по самой широкой улице и не сворачивать. Там Юстас обнаружил пустующий постамент памятника, окруженный полудюжиной скамеек, и чахлое подобие сквера. С постамента было сбито имя человека, в честь которого воздвигли памятник. Угадывались только буквы «П...р М...».

По пути Андерсен успел купить небольшую бутылку терпкого темно-коричневого бальзама в мятой бумажной обертке. Дальше идти не имело смысла, и Юстас впервые за долгое время сделал то, чего хотелось именно ему: сел на скамью в тени кленов, откупорил бутылку, сделал большой глоток и закрыл глаза, ожидая, пока первая горячая волна распространится от горла по всему телу. Когда это произошло, он почувствовал, как лопнуло первое стальное кольцо из многих, сковавших ему грудь. Для закрепления эффекта целебного, по словам продавца, бальзама ассистент герцога ополовинил бутылку еще тремя жадными глотками. Густой, как ликер, и крепкий, как шнапс, бальзам погасил неотступный звон в ушах и, казалось, улучшил зрение.

Спустя полчаса Юстас чувствовал себя скорее окрыленным, нежели пьяным. Он глянул на уличные часы и обнаружил, что у него осталось еще довольно свободного времени. Андерсен привык к расписанному по минутам дню – а теперь не имел никакой конкретной цели. Эта мысль, как на крючке, вытянула за собой другую, еще более ошеломляющую: он мог не возвращаться к герцогу.

Он мог выйти из игры прямо сейчас.

Слова, сказанные патроном, тут же приобрели новый смысл – тот предлагал Юстасу сделать выбор, чтобы больше не оглядываться в сомнениях.

Как оглушенный, Юстас с трудом поднялся на ноги и попытался пройтись, но бальзам сыграл с ним злую шутку – пришлось сесть обратно. Андерсен спрятал лицо в ладонях. Ему не

раз приходилось делать судьбоносный выбор. И все развилки, которые он проходил так гордо, так уверенно, привели его на эту площадь с пустым постаментом.

Стоило ли здесь остаться? Или бежать в глухой феод, воспользоваться фальшивыми документами и деньгами Спегельрафа, наняться стряпчим в небольшую контору, а после – открыть собственную практику? Жениться на местной женщине, с детства послушной тяжелой мужской руке, завести детей... Прожить жизнь Магнуса Берча.

Внезапно он испытал отвращение к себе, граничащее с тошнотой.

Нет, не к себе. К проклятому Магнусу, который пытался занять его место в мире.

Юстас Андерсен встал, восстановил равновесие и зашагал обратно. К железнодорожному вокзалу. К поезду на Валликрав. Неважно, что скажет герцог на его преждевременное возвращение. Важно, что на главную площадь ведет только прямая дорога.

Казалось, возвращение Юстаса если не сблизило их с патроном, то разбило преграду, выросшую между ними в день бегства из Хестенбурга. Нет, Спегельраф не превратился в добродушного дядюшку из тех, что охотно делятся скабрзными историями своей юности и покровительственно похлопывают молодых людей по спине. Герцог всего лишь вернулся к прежней манере поведения, сдержанной, но вполне для него естественной.

Уже в поезде он снизошел до краткого пояснения собственного плана. В Валликраве им предстояло разыскать единственного человека, к которому герцог мог обратиться без риска быть переданным властям Республики. К его прежнему начальнику, бывшему послу Кантабрии – Эриху фон Клокке. Некогда тот был изгнан из страны за поступок, о котором герцог отказался говорить. Герру Эриху удалось найти место в Малых Землях, а потому он мог быть полезен.

Кроме того, он был единственным из того зашифрованного списка в записной книжке, кто еще не умер.

Валликрав был одним из городов, выросших из могучей крепости, пережившей множество осад. Раньше вокруг толстых стен ютились хижины бедняков, но сейчас город выплеснулся за пределы ограды, растекаясь по долине и продолжал разрастаться, как и полагалось торговому улью.

Валликрав пахнул дегтем, прогорклым салом и смердел канализацией. Он точно на полвека отстал от любого из городов Кантабрии. Но подобное путешествие по времени не смущало герра Спегельрафа, и Юстас тоже старался не подавать виду.

Они с герцогом остановились в гостинице, расположенной в старинной части города, где дома прилегали друг к другу плотно, будто книги на полке. Все они принадлежали разным эпохам, через которые прошла крепость. Был поздний вечер, и сторожа с колотушками прошли по улицам, громогласно объявляя о конце рабочего дня. Юстас уснул еще до того, как эхорокочущих возгласов и деревянного перестука растворилось в гаснущем закате за окном. Ему ничего не снилось.

На следующее утро он встретился с патроном в ресторане гостиницы, где подавали ранний завтрак. Герцог жестом подозвал заспанного официанта и сделал заказ для себя и ассистента. Кроме того, он потребовал свежую газету. Не дожидаясь, пока Юстас сформулирует максимально толковые вопросы, Фердинанд Спегельраф изложил план на день – им необходимо было посетить городскую ратушу и бургомистра Валликрава, чтобы связаться со старым знакомым, так как он не знал, какую именно должность тот успел отвоевать у местных на сегодняшний день. Герцог отметил, что бургомистром мог оказаться сам фон Клокке.

Пока Юстас пытался разгадать состав экзотического месива в тарелке, похожего на студень из свинины с сухофруктами, герцогу подали газету и крошечную чашку кофе. Андерсен ожидал услышать шелест газеты, но над их столиком повисла вязкая тишина. Он поднял голову

и похолодел: лицо герцога искривилось в дикой гримасе, губы растянулись, а светло-голубые глаза болезненно заблестели. Первой мыслью Юстаса было, что патрона хватил удар, вызывающий судорогу лицевых мышц. Через несколько секунд он понял – Фердинанд Спегельграф улыбался.

– Ха, – наконец произнес герцог. – Это не то, на что я рассчитывал. Но тем не менее... – Он прервался на полуслове и отвернулся к большому окну с частым переплетом, за которым уже клокотал утренний Валликрав.

Юстас медленно отложил вилку и промокнул губы салфеткой. По затылку и спине струился жгучий ледяной пот.

– Вы позволите? – Он указал на газету.

– Да, – равнодушно отозвался герцог, не глядя на него. Жуткая ухмылка человека, не привыкшего улыбаться, до сих пор подрагивала на тонких бледных губах, углубляя борозды морщин.

С осторожностью, с какой берут в руки нечто взрывоопасное, Юстас перетянул ворох серовой бумаги на свою сторону стола – и на первой же полосе увидел причину необычного поведения герцога. Не потребовалось глубокого знания языка Малых Земель, чтобы перевести кричащий заголовок: «Премьер-министр Кантабрии Жоакин Мейер убит врагами Короны! Ее Величество Агнесс Линдберг-Спегельграф обвиняет бывшего Верховного судью!».

Одно только заглавие статьи дало Юстасу больше информации, чем он мог осмыслить. Он сделал глубокий вдох, полностью опустошив легкие. Теперь ассистент герцога мог анализировать данные.

Во-первых, Мейер убит. Не ими, ведь покушение потерпело фиаско из-за предательства капрала Вульфа. Во-вторых, Агнесс реставрировала монархию и правит вместо больного мужа, старшего сына герцога. При этом обвиняя герцога в убийстве. И этой кукле хватило разума и характера, чтобы все осуществить? Нет. Ею явно кто-то руководил. Кто – военные, гильдии? Несомненно, кто-то из них.

Юстас хотел было изложить свои предположения и выводы патрону, но смог лишь выдать жалкое:

– Это же не... – Горло его сжалось, едва позволяя дышать. Он поспешно схватился за чашку с остатками кофе.

– Действительно, – неожиданно согласился герцог. – Это не наших рук дело. И, хоть власть оказалась в руках моей невестки, это не дает мне никаких преимуществ. Но в перспективе... – Он снова умолк, не желая озвучивать мысли.

Юстас ждал.

– Идем. – Герр Спегельграф щелкнул пальцами и велел слуге подать извозчика. – На наш первоначальный план это не влияет.

Ожидания герцога оправдались и не оправдались в равной степени.

Нынешний градоправитель принял их почти без промедления, едва ему передали краткую записку от герра Спегельграфа. Юстас не видел, что было в той записке, но ее содержание явно впечатлило пана бургомистра. Их с герцогом быстро провели по спиральной лестнице мимо зала суда на первом этаже и зала заседаний городского совета на втором. Андерсену подумалось: снаружи ратуша выглядела гораздо меньше, чем была на самом деле. И тем не менее, даже совмещая в себе функции Судейской коллегии, администрации и приемной бургомистра, это здание напоминало коровник по сравнению с величественной ратушей Хестенбурга, разрушенной террористами.

В кабинете, где их приняли, были беленые стены и низкий потолок с толстыми балками. Бургомистр, плотный, краснолицый, с окладистой русой бородой с проседью, какую носили все богатые мужчины Малых Земель, встал из-за широкого стола, где пресс-папье было больше, чем бумаг, и шагнул к гостям. Когда он заговорил, мешая родные слова с кантабрийскими, Юстас понял – это не Эрих фон Клокке.

– Вот уж удивили, герр Спегельраф! А вы все молодцом, молодцом. – Быстрым движением пан бургомистр сгреб узкую ладонь Фердинанда в свои лапищи и энергично потряс. – Здравы будьте, – бросил он Юстасу и тут же деловито уточнил у патрона: – Убежище или транзит? Скажу сразу, убежище – это не к нам. При всем уважении... Присядем, что ж мы у порога, как нелюди какие.

– Транзит, – скушливо скривился герцог. Похоже, его раздражали панибратские замашки собеседника. – Если так можно сказать. Я кое-кого ищу. После этого сразу покину этот феод.

– Кого же? – Пан бургомистр продолжал улыбаться, демонстрируя ряд мелких желтых зубов, но глаза его неприятно сузились.

– Меня интересует, какую должность занимает теперь пан Горан Радев. И где я могу его найти.

«Значит, фон Клокке также пришлось взять другое имя».

Эта мысль немного успокоила Юстаса.

– Так в отставке уже третий год! Благодетель наш... Как передал мне пост, так и покинул город. Говорит, не по возрасту уже такая должность, такая ответственность. Захотел, говорит, спокойной старости. – Градоправитель развалился в кресле и потянулся к роговой трубке и кيسету. – Но! Не сказать, чтобы вовсе от дел отошел. Советует, письма пишет. И в целом... помогает.

Все же герцог не ошибся – фон Клокке действительно какое-то время правил Валликравом. Пан бургомистр сосредоточился на забивании трубки, игнорируя пристальный взгляд Фердинанда, ожидавшего ответа и на второй вопрос.

– Я бы хотел нанести ему визит. Срочно, – с нажимом произнес герцог.

Бургомистр явно сомневался.

– Герр Спегельраф... Вы же не за счетами какими? Пан Радев мне ценный партнер и советчик. И если у вас к нему какие-то старые претензии...

– Я похож на иберийца, задумавшего вендетту? – Герцог презрительно поднял брови. – Нет, пан Радев мне за тем же, зачем и вам. Мне нужен совет.

Бургомистр вновь погрузился в размышления и нервно запыхтел трубкой. В повисшей тишине слышалось, как тучная муха с зудением бьется в оконное стекло. Юстас, все еще стоя в стороне, наблюдал за герцогом, а тот наблюдал за бургомистром, сложив по привычке ладони.

Наконец правитель Валликрава сдался и поднял взгляд на визитеров.

– Не знаю, какого рода знакомство связывает вас с паном Гораном. Но вижу, зла вы на него не держите. Так что... окажете услугу?

Герцог промолчал, ожидая продолжения.

– Для общей пользы, – хмыкнул бургомистр. – Мне нужно передать пану Горану некую корреспонденцию. Я вручаю ее вам, а также отряжаю служебную карету с курьерской грамотой. Как вам?

– Магнус, – не поворачиваясь к ассистенту, ответил герцог. – Магнус послужит курьером Валликраву и лично вам, пан бургомистр. А я буду его сопровождать.

– Почту за честь. – Юстас сдержанно поклонился.

Бургомистр водрузил трубку на серебряную подставку и хлопнул ладонями по столешнице.

– Добро. – Он подал Юстасу знак, и тот приблизился.

Так работают все ассистенты: смотри и молчи. Говори, когда к тебе обращаются. Выполняй, что поручено. И учись.

Градоправитель смерил его взглядом, более пристальным и изучающим, чем раньше. Потом выдвинул ящик, извлек из него узкий конверт, запечатанный сургучом с оттиском городского герба, положил на стол и придвинул к Юстасу.

– Лично в руки. – Бургомистр постучал пальцем по сургучу. – Раз уж вы служите пану Спегельрафу, то понимаете, что это значит.

Герцог встал, справедливо рассудив, что разговор с бургомистром окончен.

– Не будем терять время.

– Верно, – согласился бургомистр и тоже поднялся на ноги. – Тем более путь вам предстоит неблизкий.

Несмотря на то что езда по разбитой ухабистой дороге не располагала к отдыху в пути, герр Спегельраф заснул, как только начало смеркаться, запрокинув голову и привалившись к обтянутой тканью спинке жесткого сиденья.

Юстас не мог спать. Когда свет за окном совсем померк, он не выдержал и слегка открыл вентиль газового рожка, которым предусмотрительно была оборудована курьерская карета. Затем он присмотрелся к патрону – не разбудил ли его свет? Но тот был слишком вымотан, чтобы реагировать на такие мелочи. Его шея, чисто выбритая и покрытая морщинами, как годовыми кольцами, казалась тонкой и хрупкой над накрахмаленным воротничком, давно потерявшим форму. Герцог тихо дышал. Юстасу впервые пришлось в голову, как стремительно постарел Фердинанд Спегельраф.

Их с герцогом небольшой багаж легко поместился в сундуке на крыше экипажа, но небольшой саквояж с ручной кладью Андерсен оставил при себе. Теперь, убедившись, что ему не помешают, он извлек из бокового кармана конверт, адресованный пану Горану Радеву. То есть Эриху фон Клокке, бывшему послу Кантабрии, преступнику и изгнаннику.

Юстас перевернул конверт. Его форма была практически неотличима от тех, что использовали в Комитете, а позже и в канцелярии президента Мейера: бумажные швы соединены тем же клеем, что и обычные письма. Юстасу довелось вскрыть не меньше сотни подобных конвертов и запечатать их обратно, не вызвав подозрений. У него не было причин вскрывать это послание, но, начав шпионить на герцога, он часто слышал от него фразу: «Лучше обладать информацией, чем не обладать».

Смотри, молчи и учись. Кое-чему Юстас научился.

Дорожная бритва помогла ему разделить слои бумаги – клей иссох, и это не составило труда. На колени Юстасу выскользнуло три листа. Один был письмом от бургомистра, написанным чрезвычайно неровным почерком. Ничего любопытного оно не содержало, кроме туманных благодарностей и надежд на дальнейшее сотрудничество. Вторым листом оказался отчет о поставке серебра из рудника пана Радева на нужды валликравского монетного двора. Третьим стал банковский вексель на солидную сумму.

Аккуратно запечатав конверт, Юстас задался логичным вопросом: используют ли в Валликраве серебряные монеты? И сам на этот вопрос ответил.

Конверт покоился в саквояже, сургучная клякса с оттиском осталась непо потревоженной. Тайное знание заняло свое место в голове Юстаса, хотя он еще не знал, как оно ему послужит.

На рассвете, когда до прибытия в поместье фон Клокке оставалось около часа, герцог проснулся, хмуро выглянул в окно и принялся педантично приводить себя в порядок. Юстас заметил некоторую нервозность в его движениях, когда тот пристегивал последний свежий воротничок и крепил к пуговице темно-синего жилета цепочку карманного хронометра. Это удивило ассистента. В последний раз герцог был так встревожен во время неудавшегося покушения, когда пришлось брать заложника.

Отметив внешние проявления его тревоги, Юстас сложил факты и пришел к закономерному выводу: герцог не хотел предстать перед своим бывшим патроном сломленным чередой неудач. Фон Клокке раньше служил послом и должен был быть весьма наблюдателен, поэтому каждая деталь обретала дополнительное значение.

Когда солнце вызолотило обширные поля, на которых уже тянулись к небу свежие стебли, экипаж въехал на земли поместья. Дорога здесь была заметно ровнее.

Юстас услышал звонкие голоса, в унисон тянущие народную песню, то ли печальную, то ли жизнерадостную. Он выглянул в окно и заметил толпу босоногих девушек в высоко подоткнутых платьях. Крестьянки, шагавшие вдоль дороги, несли в загорелых руках охапки полевых цветов и толкались, покачивая разлапистыми венками из папоротника на головах. Заметив приближающийся экипаж и бледное лицо Андерсена в окне, девушки остановились и помахали руками, выкрикивая что-то игривое. Юстас раздраженно задернул штору, хоть в этом не было никакой необходимости.

– День Солнцестояния, – коротко пояснил герцог и еще раз поправил кипенно-белые манжеты.

Уже когда экипаж миновал внутреннюю ограду и ее привратника, Юстас понял, что упустил немаловажную деталь: он не попытался разглядеть, есть ли в этом поместье что-то хоть отдаленно напоминающее серебряный рудник, упоминавшийся в сомнительном документе. Он дал себе слово выяснить это позже.

Колеса зашуршали по гравию подъездной дорожки, и вскоре карета остановилась прямо перед главным входом в усадьбу пана Радева. Лицо герцога более не отражало тревоги. Оно приняло обычное хладнокровное выражение. Перенял ли он его от своего патрона или же это было его собственной чертой?

Ответ на этот вопрос распахнул двойные двери с приветственным возгласом, едва герцог вышел из экипажа. Юстас отвлекся от багажа, обернулся и увидел пожилого толстяка с подвитыми густыми усами, облаченного в традиционный домашний халат и красный бархатный колпак.

– Фердинанд, мой мальчик! – провозгласил старик, помахивая свернутой в трубку газетой. – Я жду вас уже второй день, а вы опоздали к завтраку! Ваш юный друг, должно быть, тоже проголодался.

Маска невозмутимости герцога дала трещину уже на снисходительном обращении «мальчик». Он на секунду скривился, но тут же взял себя в руки и почтительно снял шляпу.

– Доброго дня и долгих лет, пан Горан. Мы...

Он не успел договорить, как Эрих с неожиданной для его лет и комплекции прытью спустился по невысокому каменному крыльцу и заключил герцога в неловкие объятия. Фердинанд был выше своего бывшего патрона почти на голову.

Юстас с пяти шагов почувствовал сильный запах пудры, исходящий от хозяина усадьбы.

– И все же вы задержались, – притворно-сердито продолжил фон Клокке. – Когда вчера я получил свежую газету, то сказал жене: «Стася! А не стоит ли гость прямо за нашими воротами?» – Он рассмеялся собственной шутке. – Я даже отправил человека проверить!

Наконец он прекратил похлопывать окаменевшего Фердинанда Спегельрафа по спине и плечам. Юстас обратил внимание, что они выглядели почти ровесниками.

– А, это твой ассистент! До чего же славная традиция обучать юные умы, передавать опыт! – Эрих схватил сразу обе руки Юстаса и энергично потряс их. – Ну, гости в дом!.. Стася, наливку! – крикнул он через плечо в открытые двери.

– Вы же понимаете, что нас привело к вам дело, пан Радев? – процедил Фердинанд, раздраженный излишне эмоциональным приемом.

Острый пронизательный взгляд преобразил румяное лицо беззаботного эпикурейца, а пухлогубая улыбка обернулась ухмылкой. Наваждение длилось всего секунду.

– Ну-ну, – Эрих покачал головой, – ты же не думал, что в уединении мирной сельской жизни я утратил разум? Ты же знаешь – сколько бы лет ни прошло и где бы мы ни были... Слуги государства бывшими не бывают.

#4. Невеста мертвеца

Звук был незнакомым.

Верней, не так. Если его, повторяющийся, рваный и пронзительный, можно было записать по буквам, он стал бы словом из красочной книжки, какие были у нее в детстве. Очень давно, еще в Виндхунде.

Голова гудела, как пожарный колокол, а шея ныла после вчерашней скачки. Саднил затылок, с которого будто содрали кожу. Кончики пальцев горели. Колено напомнило о себе врезающимся в сустав ножом, когда Луиза попыталась пошевелить ногой.

Со стоном девушка открыла глаза. Звук повторился, вибрируя самой верхней нотой. У грубой глинобитной стены напротив сидел Фабиан. Половина его когда-то привлекательного лица превратилась в сплошной синяк густо-фиолетового цвета с багровой каймой на лбу и подбородке. Бледную щиколотку в потеках сизой грязи обхватывала широкая стальная полоса кандалов. Цепь от них, толщиной в Луизино запястье, крепилась к массивному кольцу в стене.

– Паршивое утро, – не то поприветствовал, не то констатировал Дюпон. – Привыкла вставать с петухами? – Дрогнув лицом, он дотронулся до ребер. – Вот только эта тварь горланит уже второй час.

В подтверждение его слов петух за окном прокукарекал снова. Солнечные лучи лились на земляной пол и низкие деревянные перегородки из двух ничем не забранных отверстий под самым потолком.

Язык Луизы распух, поэтому она не ответила. Опираясь на руки, покрытые бурой сукровицей, девушка попыталась сесть – и почувствовала, что прикована к другой стене, как и ее спутник. Ее это не удивило.

В некоем оцепении Луиза принялась осматривать себя. Черный стилет, подарок Олле, исчез вместе с ножнами. Не было и вещевого мешка с ее дневником и деньгами. И в этом тоже не было ничего неожиданного. Хоть и мерзко, что кто-то из бандитов, кроме прочего, вытряхнул оттуда скромный запас застиранного нижнего белья. Впрочем, сейчас было важно не это.

Вывихнутое колено покраснело и распухло, но все же сгибалось. Девушке удалось сесть; она прикрыла ноги лохмотьями, в которые превратилось ее серое платье. Из-за деревянной перегородки, меланхолично пережевывая пучок сухой травы, странными глазами с горизонтальным зрачком на Луизу уставилась коза. Прожив большую часть жизни при дворе и в городе, Луиза никогда не видела живой козы. И не слышала кукареканья.

– Нас держат в хлеву? – наконец произнесла она, скорее чтобы услышать собственный голос, нежели узнать ответ на вопрос.

– Не знаю, – тихо пробормотал Фабиан. – За стеной, похоже, человеческое жилище. Половину дома часто отводят скотине. В Иберии так бывает, – раздраженно добавил он, заметив взгляд Луизы.

Какое-то время они сидели, напряженно прислушиваясь к звукам за дверью, которая могла вести в чей-то дом. Но там было тихо.

– Вчера я слышала, – вполголоса начала Луиза, – как они говорили о пленниках. О нас. Не все поняла... Что-то о Дьяволе. Это прозвучало как прозвище. Они сказали, что он будет решать, что с нами делать.

– Прекрасно. – Фабиан усмехнулся и тут же прижал ладонь к разбитым губам. – Что еще ты расслышала? Может, запомнила какие-то слова? Я знаю язык.

– Откуда?

– Когда был студентом, сочинял на иберийском стишки для смеху, – вздохнул он. – Вот и посмеемся. Так запомнила?

– Только то, что поняла сама. – Луиза отпихнула назойливую морду козы, тянувшейся к ее воротнику. – Похоже на слова александрийского... – Тут она прикусила язык, осознав, что сболтнула лишнего, но Фабиан не стал расспрашивать ее.

За дверью раздались грохочущие шаги и голоса. Трое.

– Тихо, – шикнул на девушку Дюпон и, замерев, прислушался.

Их похитители вовсе не стеснялись пленников за стеной и говорили громко, перебивая и перекрикивая друг друга. Что-то с грохотом полетело на пол, будто опрокинулся стул. Началась потасовка. Луиза не выдержала и окликнула Фабиана:

– Что там? Деньги не поделили?

Маркиз хотел было огрызнуться, но сжалился и постарался объяснить:

– Не в деньгах дело. Они поспорили, не проще ли будет убить нас, не докладывая главарю по кличке Белый Дьявол. Еще одна точка зрения, – тут он нервно хохотнул, – что выгодней всего обменять нас на два мешка хата у работорговцев. Третий господин настаивает, что за жевание хата Дьявол с них шкуру снимет. На этом их аргументы кончились.

Грохот за стеной чуть стих, раздался вопль «*Bastante!*», а после – только невнятный шепот. Фабиан прищурился, словно это помогало ему лучше слышать.

– Что-то не так с ножом, который с тебя сняли. Он отчего-то их страшно нервнует. Откуда?..

Он не успел договорить, как открылась дверь и трое иберийцев ввалились в хлев.

Один из них первым сделал несколько шагов вперед и опустился на корточки перед сжавшейся в комок Луизой. У бандита были буйные черные кудри, торчавшие во все стороны, как ветки в вороньем гнезде, тяжелый щетинистый подбородок и тяжелый взгляд. Вряд ли он был старше ее хоть на год.

– *Rata*, – процедил ибериец, доставая из-за пояса черный стилет Луизы. – Твой? – Он крепко ухватил девушку за подбородок и приставил тонкое острие к самому глазу.

Ей страшно было вздохнуть. Ей страшно было моргнуть.

Крыса? Но при чем здесь ее нож, если это можно было узнать по татуировке, не прикрытой ни чулками, ни обувью?

– *Maldita rata*, – повторил молодой бандит с каким-то мрачным удовлетворением, встал и обратился к своим сообщникам.

Пока он говорил, Дюпон привлек ее внимание, чтобы пояснить происходящее:

– Луковка, откуда у тебя треклятый стилет? Такие носят приближенные к Крысиному Королю, не пешки! Они думают, что... а-аргх!

Удар сапога по уже сломанным ребрам впечатал Фабиана в стену. Глиняная крошка посыпалась ему на голову и рубашку. Маркиз корчился и задыхался, одной рукой держась за грудь, а другой прикрывая лицо. Пнувший его бандит достал из кобуры громоздкий пистолет и с глухим шелчком взвел курок.

Третий обошел Луизу и с силой сжал ей руки за спиной, заставив выгнуться. От него тошнотворно несло кислым вином и гнилыми зубами.

Кудрявый снова навис над девушкой, прижав лезвие стилета к ее скуле, будто хотел срезать кожу с лица, и зашипел. На этот раз она понимала каждое его слово.

– Имя, крыса! Назови свое имя!

Дуло револьвера настойчиво ткнуло Фабиана в затылок.

– Имя! – взвизгнул ибериец, выходя из себя, и наотмашь ударил тыльной стороной ладони по лицу Луизы.

Это был второй раз в жизни, когда мужчина ударил ее.

Она сплюнула вязкую кровавую слюну на присыпанный сеном пол и подняла на юношу глаза. Молодой бандит был взвинчен, почти напуган. Напуган Луизой, той неизвестностью,

которую она принесла в их убежище. И он поспешит убить ее, что бы она ни ответила. Их с Фабианом сейчас выведут во двор и прикончат за курятником. Лу рассмеялась.

Раз так, не все ли равно, что она скажет?

– Мое имя – Луиза Бригитта Спегельраф. Я дочь герцога Спегельрафа, Верховного судьи Кантабрии, убийцы Иоганна Четвертого! Я сестра Антуана Спегельрафа Отравителя! Слышал о таком?! Говорят, он отправил на тот свет сотни своих подданных! – Поначалу она смеялась тихо, но вскоре смех заполнил все ее существо, вырвался наружу с кровавыми брызгами и превратился в неудержимый хохот. – Ты хорошо расслышал мое имя?! Я Луиза Бригитта Спегельраф, ублюдок!

Она не заметила, как отпрянул бандит, державший ее за руки. Повалившись на бок, Луиза краем глаза увидела, как вытянулось лицо ошеломленного Фабиана.

Девушке было все равно, что иберийцы не понимали ее речь. Зато понимал он. Собственное имя, которое она не называла почти шесть лет, не представлялась им, не произносила вслух, жгло, как краденая монета. Луиза была кем угодно – швеей Лизой, бродяжкой Луковкой, фальшивой вдовой коммерсанта фрау Вебер, – только не Луизой.

А она все хохотала и хохотала.

– Луиза Спегельраф! Меня зовут Луиза Спегельраф! Луиза Бригитта Спегельраф! – выкрикивала девушка, колотя кулаком по полу.

Истошно бляяла перепуганная коза.

Луиза продолжала смеяться, когда ее дважды с силой пнули в спину. Она продолжала смеяться, когда ее взяли за шиворот и лицом вниз поволокли к выходу. Пусть ее имя – позорное, полузабытое – будет последним, что она произнесет.

Внезапно пол, уже не земляной, а грубый дощатый, остановился. Луиза рухнула на него грудью, продолжая всхлипывать и бормотать. Ее отпустили.

– *Comandante!* – вскрикнул кудрявый бандит. – *Esta mujer es una de las Ratas...*

– *Cállate, Jorge,* – произнес незнакомый звучный баритон, и ибериец незамедлительно умолк.

Несколько секунд Луиза слышала только собственное надрывное дыхание. Ясность мышления постепенно возвращалась к ней, кураж улетучивался. Когда девушка приподняла голову, то увидела сквозь занавес собственных волос пару запыленных сапог для верховой езды с высокой шнуровкой и десятком пряжек на каждом.

– Встать можешь? – по-кантабрийски обратился к ней все тот же спокойный голос.

– Нет.

Чьи-то руки подхватили Луизу под мышки и усадили на скамью. Она обхватила себя за локти и сгорбилась, защищая живот и лицо от новых ударов. Глаз не поднимала.

– Знаешь, кто я?

– Догадываюсь. Да.

– Хорошо. А я не знаю, кто ты.

– Я уже все сказала. – Девушка покачала головой. У нее не осталось сил, чтобы говорить громко.

– Ты сказала правду? – Голос Дьявола звучал напряженно.

– Кто будет лгать перед смертью? – усмехнулась она.

Главарь бандитов отчего-то медлил и не отдавал никаких приказов.

– Посмотри на меня, – наконец повелел он. – Сейчас же.

Смысла упираться не было, и Луиза подняла голову. Дьявол возвышался над ней, но остальные мужчины в хижине были чуть выше или одного с ним роста. Он был широкоплеч, мускулист, голубоглаз. Его кожа была золотистой от иберийского солнца, но иберийцем он не был. Это было заметно по зачесанным назад выгоревшим каштановым волосам, прямым и тонким. От уха и до ворота рубашки по его шее змеился орнамент черной татуировки. Нос

Дьявола был неоднократно сломан, а мягкую, почти женственную линию подбородка он прятал за короткой аккуратной бородкой.

Он вглядывался в ее лицо так же пристально, как она – в его. Словно что-то искал в ее искаженных грязью и кровью чертах.

– Ты Луиза Спегельграф?

– Да.

– Если докажешь это, то будешь жить.

– Почему?.. Моя семья не заплатит за меня и гульдена, отец в бегах...

– Отец в бегах? – отчего-то рассмеялся главарь. – Как это по-семейному!

С изумлением она наблюдала, как он потирает переносицу, скрывая совсем не веселую улыбку.

– Кто ты? – прошептала Луиза.

– Ты же сказала, что знаешь.

– Теперь не знаю.

– Что ж... Уважаемая фрекен Кто-бы-вы-ни-были, Вендель Фландр Спегельграф, он же Белый Дьявол, к вашим услугам, – провозгласил бандит и коснулся тульи невидимой шляпы.

Главарь бандитов дал ей время прийти в себя, прежде чем начать допрос – Луиза даже мысленно не могла по-другому называть предстоявший им разговор. Единственное отличие заключалось в том, что Вендель, скорее всего, не станет ее бить.

После долгих суетливых поисков девушке вручили комок поношенной, но чистой женской одежды: льняную блузу с ветхой вышивкой у выреза и черную верхнюю юбку длиной до середины икры с широким шнурованным поясом. Собственное платье, разорванное от подола до бедра, с рукавом, держащимся на одной нитке, Луиза аккуратно сложила рядом, будто боялась расстаться с этой частицей дома. Частицей Театра.

Но, несмотря на вежливый жест, Дьявол не доверял ей, а она не доверяла ему.

Был один шанс из сотни тысяч встретить давно потерянного брата в чужой стране. Живого, пугающе зрелого, обожженного солнцем. Ровно таким же был шанс, прожив много лет в Иберии, обнаружить среди пленных родную сестру. Избитую, сломленную, с воровским клеймом.

Она чувствовала, как на спине черной болью наливается обширный синяк.

Люди Дьявола покинули хибару, дав Луизе возможность переодеться. Но, с трудом облачившись в традиционный наряд иберийской селянки, она, не торопясь звать Венделя, решила осмотреться.

Домишко был глинобитным, на низком каменном фундаменте. Над светлыми стропилами, увешанными связками пахучих трав, виднелась соломенная крыша. Сквозь нее местами проглядывало небо. Глиняная же посуда, очевидно, сделанная вручную, стояла на выскобленном столе кверху дном – причиной тому была вездесущая рыжеватая пыль. В самом солнечном углу Луиза обнаружила некое подобие алтаря: в окружении множества свечных огарков на полке стояло грубое изображение бледной молодой женщины со впалыми щеками и зачерненными глазницами. Руки идола были сложены ладонь к ладони, а темные локоны убраны розами.

Под статуэткой был припилен к стене мутный дагерротип, на котором угадывался дородный усатый мужчина с винтовкой. Тут же на черном шнурке покачивался, как маятник, высушенный человеческий палец. Луиза почувствовала подступающую тошноту и отошла от молитвенного уголка подальше.

Тихо, чтобы не привлекать внимания людей Дьявола, ожидающих снаружи, она приблизилась к запертой на висячий замок двери хлева и позвала Фабиана. Тот не ответил, лишь глухо брякнула цепь.

– Я постараюсь тебя вытащить, – прошептала Луиза, надеясь, что Дюпон в состоянии ее слышать. – Мы уйдем. Или сбежим. Обещаю.

На этот раз из-за двери не раздалось ни звука. У Луковки были друзья. У Луизы Спегельграф их нет.

Наконец она нашла в себе силы дохромать до входной двери и постучать.

– Я готова говорить.

Через минуту человек, назвавшийся Венделем, вошел в хижину. Он принес с собой хлеб, завернутый в полотенце, и кувшин с каким-то питьем. Мужчина сложил свою ношу на стол, а также вынул из карманов головку чеснока и кусок твердого белого сыра. Поставил пару глиняных чашек без ручек.

Луиза наблюдала за ним исподлобья, сиюсья вспомнить брата, каким он был четырнадцать лет назад. Тогда ему было десять и он, как остальные сыновья Спегельграфов, был совершенно недосыгаем для младшей сестры.

Она почти ничего о нем не помнила, но Агнесс иногда делилась воспоминаниями из детства. Вендель был маленьким дикарем и чаще прочих бывал наказан. Он не позволял стричь свои каштановые волосы, ходил босым и грязным, водился с детьми слуг и подолгу пропадал в лесах близ Виндхунда. Не раз герцогу приходилось организовывать его поиски.

Чтобы обуздать его, отцу пришлось отправить двенадцатилетнего Венделя в пансион, где практиковали суровые методы воспитания. Мальчик провел там пять лет, а в семнадцать сбежал, и никто не знал причин побега. Сыскному управлению удалось проследить его путь до границы Иберии, но в этих землях последний призрачный след юноши потерялся. Герцог отказался от среднего сына с такой же легкостью, с какой избавился от дочери.

Луиза пыталась отыскать в Белом Дьяволе наследные черты Виндхундов и Спегельграфов и находила их: овал лица и цвет волос – от матери, острый нос и светло-голубые глаза – точно-точно такие же, как у нее, Антуана и отца.

С каждой секундой ее сердце холодело. Если допустить безумную мысль, что беглый старший брат стоит сейчас прямо перед ней, то у Луизы доказательств родства вовсе не было. Бледная кожа, вытянутое лицо и невзрачные рыжеватые волосы могли быть у любой кантабрийки из любой части страны.

Тем временем Вендель уселся на стул напротив девушки и разложил перед ней нехитрую снедь. Потом, словно нехотя, плеснул красной жидкости в обе чашки и одну придвинул Луизе.

– Когда я в последний раз видел сестру, – начал он, откашлявшись, – ей было всего пять. Теперь она может быть кем угодно. Какой угодно. Или не быть вовсе. Я слышал, что после переворота почти никто не выжил. Всех порешили, кроме принцессы, а от дворца только пара стен и осталась. Почти не сомневаюсь, что это дело рук Фердинанда.

Он выждал реакции пленницы.

– Мне удалось сбежать. Кухарка вывела меня через черный ход и парк. Впрочем, убежать – это единственное, что мне удастся. – Слова давались Луизе с трудом, а запах еды путал мысли, но она не прикасалась к пище.

Дьявол подался вперед, в его взгляде засквозило любопытство.

– Побег – это то, в чем Спегельграфы сильны. «Беги, лиса...» – помнишь песенку? – Он вдруг нахмурился и силой вложил в ее израненную руку ломоть хлеба. – Да ешь ты уже!

Он отвел глаза и не стал смотреть, как Луиза ест. Когда она осилила четверть хлеба с сыром, то вспомнила о Фабиане и чуть не подавилась крошками.

– Второй пленник. Он тоже голоден.

– Твой любовник? – издевательски прищурился бандит.

– Нет. – Лу не почувствовала даже смущения, только усталость. – Он мой друг, мы вместе приплыли из Кантабрии.

– Перебьется. Сначала разберемся между нами.

– У него сломаны ребра...

– Перебьется, – с нажимом повторил он. – Кстати, сколько твоих друзей приплыло в Иберию от Крысиного Короля?

Луиза не сдержала усмешки, которая резанула разбитую губу. Он и правда рассчитывает, что она скажет? Вот так просто, за кусок хлеба?

– Понятно, – легко отступил Вендель. – Тогда начнем с другого конца. Давай предположим, что вот оно – счастливое, хоть и не полное, воссоединение семьи Спегельграф. – Он сделал жест, будто отгоняя муху. – Ты читаешь сентиментальные романы? Их любят впечатлительные аристократки.

Девушка пожала плечами. О каком аристократизме могла идти речь, когда она выросла среди швей и прачек?

– Я предпочитаю театр.

Вендель озадаченно поскреб подбородок.

– Хм. Это усложнит мои объяснения. Будем надеяться, что ты умнее средней кисейной барышни. Итак, представим, что мы встретились и тут же друг друга узнали. Никаких сомнений – кровь не водица. К тому же у нас одинаковые родинки в виде, скажем, пятиконечной звезды на лбу. – Он негромко хохотнул. – О чем же мы станем говорить после стольких лет разлуки?

Лу задумалась.

Встретившись с Агнесс, они не могли наговориться о немногих общих воспоминаниях. Затем, привыкнув друг к другу, поделились годами, прожитыми врозь. Иногда со слезами.

– О том, что оба помним. О том, что известно только нам.

Он помолчал, сосредоточенно хмурясь.

– Хорошо. Луиза была... очень маленькой. Возилась с куклами. Это может сказать любой, у кого когда-либо была младшая сестра. Твоя очередь.

– Мой брат, второй по старшинству, был шумным, подвижным. Я редко его видела и почти не помню. Он сбежал, когда я жила во дворце. Вендель был похож скорее на мать, чем на отца. Волосы такого же цвета, черты лица... А я никогда не походила на нее. Когда мы встретились, она меня не узнала, – с горечью призналась девушка. – Говорила, что у нее только три сына.

Мужчина изумленно вскинул брови. Что-то в ее словах задело его. Неужели?

– Неудивительно. Она жива? – зачем-то уточнил он.

– Она больна. – Луиза сделала осторожный глоток из глиняного стакана и поморщилась. Кислое, вязущее, вино мигом скаталось в комок осадка на языке. – Живет в прошлом. Твоя очередь.

– Эмилия, наша мать... с ней давно было не все в порядке. Еще до того, как Луизу забрали. Точнее, проблемы начались после рождения дочери. Дело в том, что девочка казалась ей призраком погибшей сестры.

Мужчина встал и косолапой походкой подошел к алтарю, рассеянно коснулся жутких реликвий.

– Какая была трагедия! Расторгнута помолвка с более родовитым женихом, которой так жаждали граф и графиня Виндхунд. А ведь молодые люди даже полюбили друг друга. И вдруг невеста гибнет. Такая нелепая смерть – утонуть в собственном пруду среди лилий... Пришлось Фердинанду соглашаться на утешительный приз. – Он ссутулился, и воздух вокруг его фигуры словно загустел. – Я знаю все и даже больше. Я собирал тайны замка, как уродливые сокровища.

Вендель обернулся, заложив руки за спину.
– Ты – копия Эрнесты с портрета, Луиза.

Девушка рассказала ему обо всем. Почти обо всем. Все же история Густава не была предназначена ни для кого. Некоторые шрамы не показывают.

Луиза начала свою историю с подслушанного разговора и побега из дворца, когда ей чудом удалось избежать кровавой расправы. В двух словах упомянула о швейной фабрике и жизни в общежитии – дескать, там и рассказывать не о чем. Когда она добралась до месяцев, проведенных в Виндхунде, то заметила, что взгляд Венделя мрачнеет с каждым словом. Ей пришлось прерваться.

– Что-то не так?

– Как раз напротив. Все сложилось так, как я и думал. В точности. Однажды я расскажу тебе, но не сейчас.

Луиза не решилась расспрашивать дальше – у брата было лицо человека, потерпевшего поражение. Он стер это выражение ладонью.

– Печальную повесть нашего семейства тоже отложим на потом. Лучше скажи, сестрица, как ты стала приближенной Крысиного Короля.

– Я никогда ей не была.

– А стилет?

– Подарок друга. – При мысли о той ночи у Луизы между лопаток словно пробежали крохотные холодные лапки. – Верни его, пожалуйста.

Вендель достал узкие кожаные ножны из-за голенища и положил перед собой на стол.

– Такими вещами не разбрасываются. Такие вещи не дарят. – Он делал свинцовое ударение на каждом слове. – За владение такими регалиями здесь казнят. Ты уверена, что его дал тебе друг?

– Уверена, – твердо ответила Луиза. – Если бы ты видел, при каких обстоятельствах мне достался этот стилет, то не сомневался бы. Теперь тот человек, мой друг, возможно, мертв. Его схватили Крысы, когда мы отчаливали...

Ее голос дрогнул, и девушка умолкла.

– Но ты носишь След. – Вендель казался удивленным. – И твой приятель тоже.

– Нас заставили сделать татуировки перед отплытием. Чтобы местные нас признали.

– Или чтобы вы не смогли вернуться в Кантабрию живыми. Ты хоть понимаешь, во что влезла? Знаешь, что здесь творится, какая война ведется? Какого дьявола вас вообще сюда понесло?!

Как ни странно, этот шквал гневных вопросов не испугал Луизу. Впервые кто-то родной принимал участие в ее судьбе. Пусть так – все что угодно лучше равнодушия. Она решила рассказать все как есть.

– Мы запланировали показательную акцию, чтобы остановить фанатиков и мошенников...

– То есть теракт, – хмыкнув, уточнил Вендель. – Хороша же ты, ничего не скажешь.

– И контрабанду оружия Борислава Милошевича, – с нажимом договорила она.

Брат бросил на нее цепкий взгляд исподлобья, но промолчал.

– Сначала все шло по плану. – Луиза старалась смотреть не на него, а на свои ногти в кроваво-бурой кайме. – Ратушу наша команда взорвала боеприпасами Борислава, так что они не отправились в Иберию. По крайней мере, их часть. Используя взрыв как прикрытие, мы забрали куш в казино Краузе и спалили его. Но сам Якоб оказался... у нас. Как пленник. Этого мы не хотели, так вышло случайно. И мы оказались в западне. Несколько дней спустя отец

организовал покушение на президента. По столице пошли жестокие облавы, и нам пришлось заключить сделку с Крысиным Королем, чтобы выбраться. Взамен он велел передать Краузе его людям здесь. Это все.

Их беседу прервали настойчивым стуком в дверь. Вендель открыл, и на пороге появился тот самый Хорхе, который допрашивал и избивал ее. Пока они с братом переговаривались, Луиза встретила с ним глазами и вложила в этот взгляд все презрение, на какое была способна. Бандит сдвинул брови и отвел глаза.

Судя по тону, брат отдал подручному какой-то приказ, и тот немедленно удалился.

– Так это правда? – Вендель вернулся за стол. – Что отец убил вашего Мейера, который полуиберец?

– Нет, – покачала головой она, – покушение провалилось. Именно тогда президент уже сточил режим.

– Тогда кто убил Жоакина Мейера?

– Так его все-таки?..

– Да. В собственном кабинете. – Он криво улыбнулся ее удивлению. – Пока вы болтались в море, новости пришли сюда по суше. Теперь в Кантабрии правит королева Агнесс. Так, кстати, сколько твоих друзей было на корабле? – резко сменил тему Вендель.

Луиза задумалась. Не было никаких гарантий, что его люди еще не учинили расправу над теми, кому удалось сбежать. Или что они не сделают этого позже. Она обмакнула палец в винную лужицу на столе и начертила на ее месте размашистый крестом.

– Я не знаю, сколько из них было убито при столкновении в бухте. И не знаю, сколько осталось в живых. Но у меня есть просьба.

– Какая же?

– Я хочу видеть всех твоих пленных – с татуировкой Следа или без нее – до допроса. Я узнаю моих людей, а ты их освободишь...

Взрыв смеха Венделя заставил ее замолчать. Смеялся он долго, откинувшись на ненадежную спинку стула и хлопая в ладоши с неприятным сухим звуком.

– Bravo! Ха-ха, bravo! Отличный план. Вот только одного ты не учла, Луиза. Ты не в Кантабрии. Здесь – сестра ты мне, мать или жена – ты всего лишь женщина. Твоей ценности при мне довольно, чтобы тебя не трогали. Не более того, ясно? Если я буду тебя слушать, тут же растеряю доверие моих парней.

В глазах девушки он прочитал страх, но и не подумал останавливаться:

– О, ты ничего не знала об Иберии, отправляясь сюда, верно? А если вздумаешь остаться, то тебя придется отдать за одного из моих головорезов. Да придется еще поискать согласного, ведь тебе уже давно не пятнадцать. Чего мотаешь головой? Не нравится?.. Можешь стать подавальщицей или торговать телом. Можешь уйти к танцующим жрицам, но оттуда нет возврата.

– Нет, нет! – Отчаяние снова постучалось в сердце Луизы. – Я не хочу такой судьбы! Теперь Агнесс на троне, и мы сможем вернуться домой. Я отвечу за все перед ней, и она помилует моих друзей. Пойми, на этой земле и в Кантабрии только я способна их защитить! – В каком-то диком вдохновении девушка перегнулась через стол и крепко схватила Венделя за предплечье. Тот смотрел на нее внимательно и строго. – Ты можешь приказывать убить меня, но не можешь решать, что мне делать. Не хочешь держать при себе обузу в юбке? Одно слово – и мы с Фабианом уйдем и разыщем остальных сами.

В этот момент вернулся Хорхе, открыв дверь плечом. Под мышкой у него были зажаты гладкие деревянные колышки, на шее висели льняные бинты, а в руках он держал большой оловянный таз, над которым поднимался пар. Следом за ним, не поднимая головы, семенила сторбленая старуха в черном платке. Бандит покосился в сторону Луизы, и, повозившись немного с висячим замком, они со старухой скрылись в хлеву, где все еще держали Дюпона.

Девушка вопросительно посмотрела на Венделя, не ослабляя хватки.

– Куда ты собралась тащить раненого бойца, горе-воевода? – Улыбка брата, еще минуту назад такая ранимая, преобразилась и изменила все его лицо. – Дай ему оклематься, что ли. Не хочешь замуж? Ну его в пекло! Не хочешь... Кхм... в общем, есть еще вариант. «Обузой в юбке» ты не будешь. И перевязка тебе тоже не помешает.

С этими словами он накрыл ее побелевшие пальцы своими.

Где-то в недрах хлева звенела горячая вода и тихо ругался Фабиан. Нежно, успокаивающе шелестели голос старухи и хрусткий лен в ее руках. С улицы можно было расслышать звуки мирного полудня. А у Луизы появилась крохотная надежда на новую жизнь.

В Иберии у женщины было только два пути, чтобы оградить себя от посягательств мужчин: стать одной из жриц, которые плясали на погостах и могилах, чтобы почтить Смерть, или занять место умершего жениха в банде, навсегда отказавшись от платья и надежды стать женой и матерью. К невестам мертвецов не прикасались, их не желали. Они были здесь почти равны мужчинам и пользовались уважением.

Обо всем этом Луизе, шепелявя отчасти из-за особенностей языка, а отчасти – из-за выпавших зубов, рассказывала по пути в город та самая старая иберийка, которая промывала и бинтовала раны Дюпона. Фабиан, переводя, сокращал ее фразы как мог и держался холодно – не мог простить Луизе лжи, длившейся много месяцев. Но девушка верила, что рано или поздно его обида остынет.

Было решено, что она назовется невестой погибшего. Для Луизы это было компромиссом с правдой, ведь Олле называл ее суженой. И, хоть между ними не было ничего, кроме невесомого прикосновения губ на утесе, а сам Миннезингер мог оказаться живым, его слова хранили ее здесь и сейчас.

Как только выдастся малейший шанс, она отыщет друзей из Крысиного театра и поможет им вернуться домой. Если, конечно, они того захотят.

Люди Венделя покинули полузаброшенную деревеньку на рассвете следующего дня. Бывших пленников посадили на телегу, ведь те были еще слишком слабы, чтобы ехать верхом. С коней смыли боевую раскраску – в городе, где правил алькальд и несли стражу вооруженные альгуасилы, за бандитизм могли вздернуть.

Фиера ранее была деревней, живущей по старинным укладам. От нападений чужаков ее защищал небольшой отряд вооруженных мужчин, во главе которых встал в свое время Вендель. Но эпоха железных дорог стремительно набирала обороты и наконец с паром и ревом ворвалась в этот пыльный оазис мирной жизни и перевернула все с ног на голову.

Сначала прибыли строители, возвели насыпь и проложили рельсы. Какой-то богатый промышленник выкупил поблизости от деревни огромный участок полей и построил там множество складов. Узел дороги затягивался все туже, приезжали все новые и новые чужаки и селились вокруг. Открылись еще две харчевни с визгливыми подавальщицами, будто из-под земли выросло здание банка. Фиера становилась городом.

В конце концов из столицы прибыл в сопровождении своих подчиненных алькальд, человек жесткий, как подошва, и объявил деревенских ополченцев вне закона. Он даже заключил их под стражу на несколько дней, а позже *помиловал*. Однако закон о запрете банды оставался в силе по сей день. То есть, как это было принято в Иберии, алькальд закрывал глаза на все, что происходило за пределами его вотчины.

Именно в Фиере жили семьи людей Венделя. И его жена Доротея.

#5. Головы на стене

Супруга герра Эриха фон Клокке, которую только у него язык поворачивался называть Стасенькой, выглядела значительно старше мужа. Застегнутая на все пуговицы от горла и до самых ладоней, Анастасия Радев носила в комнатах чепец с плоеным серым кружевом и, отправляясь за пределы господского дома, – соломенный капор. В то время как Эрих, он же пан Горан, был похож на филантропа на заслуженном покое, она правила усадьбой железной рукой: вела счета, раздавала немногословные приказы и даже сама секла дворовых.

Юстас испытал нечто сродни культурному шоку, когда проснулся от врезающихся в виски воплей и, выглянув в окно, увидел панну Анастасию с розгами в крошечном красном кулаке. К позорному столбу, который он поначалу близоруко принял за указатель, спиной к дому была привязана за запястья раздетая по пояс немолодая крестьянка – соли в ее растрепанных косах было больше, чем перца. Свистали розги, лопатки женщины расцветали багровыми лентами, участливо подвывали другие служанки.

Даже прищурившись, он не смог в точности разглядеть выражение лица хозяйки и вскоре брезгливо отвернулся. Ему не хотелось выяснять причины такого наказания. В конце концов, в большинстве феодалов помещики безраздельно властвовали над жизнями крестьян, продавали их, покупали или обменивали на лошадей и собак. Закон их не защищал, а ему не было дела до чужих порядков.

Однако заняться ассистенту герцога было нечем.

Судя по горячему приему, оказанному герцогу бывшим патроном, Юстас ожидал удушливого гостеприимства, о котором читал в путевых заметках или слышал из первых уст. Путешественника ждали чрезмерное угощение, обязательная охота, визиты соседей-помещиков, жадных до новых лиц, и непременно сватовство залежалой девицы в томных кудряшках. Действительность же настолько не соответствовала этим описаниям, что Андерсен почувствовал себя почти обманутым.

Предоставленный самому себе, он досадовал на герцога, который оставил верного ассистента за дверями кабинета. О каких тайнах могла идти речь? Юстас знал, что они ведут переговоры о визите в Олонскую Империю. Около тридцати лет назад оба несли там службу в посольстве, но герр Спегельграф оставил должность ассистента раньше, чем фон Клокке покинул страну и пост. Фердинанду нужны были обрывки его старых связей.

Первым делом Юстас исследовал усадебную библиотеку. К сожалению, она не представляла особого интереса: местные альманахи журналов за последние десять лет, ежегодники, копии переписи крестьян, ряды классических собраний с неразрезанными страницами и целый стеллаж бульварной прозы потрепанного вида. Было заметно, что библиотеку начали составлять как дань приличиям, но не довели дело до конца. Почти все тома были изданы недавно. С другой стороны, что любопытного он ожидал найти в таком захолустье? Уж точно не эротические олонские гравюры семнадцатого века.

Но предмета его истинного интереса в библиотеке тоже не обнаружилось. Зачастую пожилые люди складировали в пропитанных бумажной пылью комнатах ненужные документы, прежде чем сжечь их. И они здесь были: счета, гроссбухи с перечнем всех затрат и налогов, снова и снова – списки имен, мужских и женских, таких непривычных, что произносить их вслух было неприятно... Но ничего о добыче серебра. Ни слова, ни цифры. Проклятый рудник начинал сводить его с ума, но проявить любопытство, пуститься в поиски по поместью или задавать вопросы за ужином он не мог. Не смел.

Задыхаясь от безделья, он обратился к последнему рукописному тому, который еще не успел изучить, – к семейной летописи неких Винеску, прежних владельцев поместья. История оказалась запутанной из-за строгих правил наследования и даже увлекла Юстаса. Кроме

того, при разделе собственности между сыновьями был единожды упомянут и серебряный прииск. Если в Кантабрии женщина могла наследовать и титул, и земли, то здесь не могла владеть даже клочком земли. Пани Анастасия, последняя представительница вымирающего рода Винеску, сорок лет назад вступила в брак с паном Радевом где-то в Валахии. Следовательно, после смерти бездетного дяди, Тадеуша Винеску, поместье стало законной собственностью ее мужа, Горана Радева. То есть Эриха фон Клокке, который в то время служил послом при олонском дворе.

Юстас удовлетворенно потянулся в продавленном плюшевом кресле. К досье на герра Эриха добавился еще один любопытный пункт.

– Мне горько видеть, как ты замучил своего мальчика, – уже привычно сокрушался фон Клокке, размахивая наколотым на вилку куском буженины.

Юстас тоже привычно добавил к уничижительному определению мысленное «на побегушках». Он выслушивал одно и то же на протяжении десяти дней.

В столовой, как и во всем восточном крыле усадьбы, правил бал вкус хозяйки: орех и ситец, строгие пропорции и вездесущие цветочные орнаменты. Занавески хрустели от крахмала на вялом теплом ветерке, разливался горьковатый аромат герани. Вдоль стен тянулись открытые полки для бесчисленных блюд, расписанных пасторалями. Если бы кому-то вздумалось закричать здесь во весь голос или хватить кулаком о стол, то они посыпались бы звенящей лавиной. Но никто не стал бы вести себя подобным образом. По крайней мере, здесь не было уродливых чучел животных и птиц, которые коллекционировал фон Клокке.

Панна Радев методично вылавливала клецки из своего гуляша и долго-долго жевала каждую.

– Весь зеленый, щеки впалые, пропадает за книгами... – продолжал Эрих. – Можно подумать, ты перенял манеру обращаться с подчиненными у меня. Нет, нет и еще раз нет! Вспомни себя в его годы!

Фердинанд не хотел ничего вспоминать. Об этом говорили его застывший взгляд, побелевшие ноздри, примятые с одной стороны седые волосы. Герцог начал дремать днем, и эта перемена больше всего настораживала ассистента. Выглядело это так, будто хозяин поместья вытягивал из него последние соки.

Но никто из них не проявлял недовольства словами герра Эриха: герцог всегда поступал так, когда добивался чего-то. Даже когда это выматывало.

Наконец в их застольную беседу просочились детали кабинетных переговоров, и Юстас обратился в слух и внимание.

– Страсти молодости должны были перебродить в тебе, Фердинанд. Обратиться в густое вино мудрости. Но что я вижу? Уксус! Ты до сих пор неосмотрителен, порывист. Можешь говорить что угодно, но именно твоя поспешность и неизбывная желчь являются причиной неудач на политическом поприще, – увещевал бывший посол. – Прислушайся ко мне и вычеркни из длинного списка недостатков хотя бы ослиное упрямство! Верно я говорю, юноша? – внезапно обратился он к Юстасу, отчего тот слегка смешался.

К счастью, герр Эрих не ждал ответа. Ему больше нравилось разглагольствовать, нежели беседовать. Удивительно, как с таким характером он служил по дипломатическому ведомству.

– Так что полно упрямитесь, Нанду. – Толстяк подался вперед и плеснул немного мятного ликера в узкую тонконогую рюмку герцога. – Место теплое. Годится не только чтобы переждать грозу, но и просто пожить в удовольствии. Всего делов – закорючки ставить, направо да налево. Отчитываться только передо мной. А с людьми будет работать твой мальчик, ему полезно. Никогда не поздно поучиться у старого патрона, а?.. Верно я говорю?

– Предложение лестное. – Герцог кивнул отрывисто, как несмазанный механизм. – Но и неделю назад, и сейчас я уверен, что это не соответствует...

– Конечно, не соответствует, – повысил голос фон Клокке. – Потому что дурость на уме! Несусветная дурость!

Расписные тарелки предупреждающе задрожали на своих ореховых насестах. Панна Анастасия встала из-за стола. Секунду погода, опомнившись, поднялись со своих мест и мужчины. По-кантабрийски хозяйка почти не говорила, но настроения улавливала чутко, как любая женщина, долго прожившая в браке.

– Я вас оставлю, – сказала она на местном наречии и направилась к выходу из столовой. Эрих ловко перехватил ее сухонькую руку и поцеловал в центр ладони.

– Иди, Стася, дружок. Шуметь больше не станем.

К удивлению Юстаса, чопорная старуха улыбнулась в ответ и смахнула с халата мужа приставшее перышко.

Когда дверь за ней беззвучно закрылась, фон Клокке устало повалился обратно на стул.

– Во главе списка твоих недостатков – умение расстраивать женщин, мой мальчик. Чего тебе стоило стать наконец достойным хозяином Виндхунда, посвятить остаток жизни матери твоих детей... Тридцати лет достаточно, чтобы перебеситься. И не смотри на меня так! – Он осекся, очевидно, вспомнив о тарелках. – Мы уже не молоды, Нанду. В этой игре нам не пристало самим ходить по клеткам, только двигать фигуры.

Взглядом своих маленьких глаз он напоминал старого попугая.

– Просто подумай еще раз. Даю тебе последний шанс. Откажешься – иди своей дорогой, я помогать не стану.

В наступившей тишине Юстас почувствовал желание прочистить горло кашлем, но сдержался, будто мог что-то спугнуть.

После неудачной беседы Эрих с видом оскорбленного благодетеля удалился в кабинет. Это было шансом прояснить некоторую недосказанность, возникшую между Фердинандом и его ассистентом.

Жара в тот день как раз спала, и небо затянули тонкие, как молочная пенка, облака. Герцог никогда не выражал подобную мысль, но Юстас догадывался, что такая погода ему по душе: чем бледней была действительность, тем бодрей и активней он становился. Это свойство весьма гармонировало с другими чертами характера герра Спегельрафа.

Приусадебный парк, как и многие вещи в поместье Винеску, носил отпечаток новизны и какой-то недоделанности, будто хозяин брался облагораживать то одно, то другое, но вскоре ему это надоедало и он брался за новый проект. Прогулочные дорожки был выровнены, но камни, которыми хозяин, видимо, хотел их выложить, неопрятными кучами громоздились по ее бокам. Молодые деревца явно переросли свои подпорки, но никто не спешил убирать их. Одиноким садовник с грязно-соломенными космами рассеянно ковырял лопатой корни выкорчеванного пня большого дуба.

Любопытно, сгнило ли дерево или его вид был недостаточно живописен?

– Юстас, что ты думаешь об Эрихе? – внезапно остановившись, спросил герцог.

Андерсен удивился неудобной прямоте вопроса, но еще больше его поразила тонкая папироса, которую патрон извлек из серебряного футляра и теперь крутил в руках. В отличие от многих высокопоставленных людей, герр Спегельраф ограничивал свое пристрастие к табаку, не желая портить цвет зубов и пальцев. Только сильные потрясения или сомнения заставляли его обратиться к этому успокоительному.

Герцог не требовал немедленного ответа, и Юстас дал себе пару минут на раздумья. Этого времени Фердинанду хватило, чтобы согнуть бумажную трубу должным образом, поджечь кончик папиросы от старинной бензиновой зажигалки в форме собачьей головы и сделать несколько вдумчивых затяжек.

Кроме садовника, вокруг не было ни души. Андерсен рассудил, что на прямой вопрос следует отвечать так же прямо.

– Чересчур актерствует. И явно пытается вами манипулировать. Мне неизвестны его истинные мотивы, но...

– В точности как раньше, – вдруг перебил его герцог. – «Нанду, Нанду»! Как он смеет? Я тысячу раз проклял день, когда поступил к нему на службу. – Он бросил недокуренную папиросу под ноги и растер ее каблуком в лохмотья. – Тридцати лет не хватило *ему*, чтобы обуздать высокомерие. В свои двадцать я был в меньшей степени «мальчиком», чем этот увалень сейчас! Но нет, он будет корчить рожи и ломать комедию, делать вид, будто ведет тонкую игру. А потом он возьмет десертную вилку и примется колоть ею старые рубцы! Да как он смеет!..

С клекотом сорвалась с ветки и полетела прочь серая птица. Фердинанд был бледен и дышал тяжело.

– Но самое отвратительное, – продолжил герцог после краткого молчания, – что он в точности знает географию моих рубцов. И он... Он прав.

– В чем прав, ваша светлость? – уточнил все еще ошеломленный его вспышкой Юстас.

– В своем предложении, – забормотал Фердинанд, выбивая из прорези портсигара новую папиросу. – В том, что отказывается участвовать в новой олонской сделке. В том, что я не могу вечно стремиться к вершине, какая бы пропасть ни была позади. – Снова щелчок, пламя, дым. – В том, что я боюсь остаться один на один со своей жизнью. Во всем, будь он проклят.

Он помолчал еще немного и в этот раз докурил папиросу до самого основания, едва не обжегши пальцы.

– Я собираюсь принять его предложение. Завтра. Должность валликравского казначея не самое худшее завершение карьеры. И твои нужды будут... Здесь у тебя есть будущее.

Садовник закончил заниматься корнями дуба, закинул лопату на плечо и зашагал прочь, высвистывая нестройные трели. Крестьянину было невдомек, какое крушение только что пережили два строго одетых господина, застывшие в тени раскидистого вяза.

Юстас не чувствовал ног. Позже он понял, что их нет. Не было и рук по самые плечи. Не было туловища. Но хуже всего был рубец от вырезанного под корень языка, мертвым комком прижатый к гортани. Все, что он мог, это смотреть и слушать.

Он повернул деревенеющую шею, насколько позволяла проволока внутри, и увидел пригвожденную к полированному щиту голову герцога. В том же ряду смотрели вперед стеклянными глазами головы оленей, кабанов, волков.

Чучела, десятки чучел из коллекции Эриха фон Клокке. Они заполняли пространство стен, выглядывали из темных углов, свисали с потолка. Юстас не смог закричать.

Эрих стоял прямо напротив них, обняв за талию жену, которая казалась неестественно юной в дрожащем свете свечей. Анастасия поднесла трехрогий подсвечник к лицу Фердинанда и приложила тонкий когтистый палец к улыбающимся губам. Глаза герцога были еще живыми.

– Тсс! Нельзя кричать в моем доме, нельзя...

– Мальчикам стоило поучиться у меня, но они не захотели, – бормотал Эрих и качал головой.

– Не захотели, не захотели, – вторила супругу Анастасия.

– Их дело – молчать и слушать...

- Слушать и учиться...
- Теперь будут послушны...
- Будут умнее...
- Станут полезными...

Они прильнули друг к другу, точно молодые любовники, но вместо поцелуя принялись кромсать зубами губы и языки, и черная кровь потекла по их подбородкам. Все головы смотрели на них холодно и безразлично. Юстас не мог ни вырваться, ни закричать. Дергаясь в плену проволочного каркаса, он изо всех сил пытался привлечь внимание патрона, но тот не оборачивался. Глаза герцога постепенно меркли, пока не превратились в два шлифованных кусочка синеватого стекла.

– Тсс! Не шуми, мальчик, – хором обратились к нему хозяева. – Пан гусак любил покричать... Га-га! Что с ним стало, мальчик?

Юстас, холодея, посмотрел в другую сторону – и увидел голову незнакомого мужчины, седого и бородатого, совершенно высушенную, точно мумия.

– Пан гусак был задира, га-га... его ощипали и сварили...

Когтистые пальчики панны Анастасии принялись быстро-быстро выдирать пух из белой тушки гуся.

– Ощипали, ощипали...

Пух начал кружиться в воздухе, свиваться вихрями, взмывать и падать дрожащим ковром. Он залеплял Юстасу глаза, набивался в рот, мешал дышать. Стена позади вдруг стала вязкой, как трясина, и потянула его вовнутрь. Как он ни вырывался, ее хватка становилась все сильнее.

Наконец маслянистая поверхность болота сомкнулась над ним, и Юстас очнулся, хватая воздух пересохшим ртом.

Простыни под ним были настолько мокры от пота, что можно было выжимать. Юстас кубарем скатился на пол с кровати, попутно отирая лицо от приставшего тополиного пуха. Лохматые белые клубки, точно живые, ползали вдоль стен. Зря он не закрыл на ночь окно, но ведь тогда можно было задохнуться.

От увиденного кошмара его колотила такая дрожь, что стучали зубы. Ассистент герцога поднялся на ноги и подошел к окну. Ночь была искристо-звездная и лунная – столько звезд не увидеть над задымленным Хестенбургом, но ему было не до поэтических восторгов. Омерзительные образы, созданные его подсознанием, были слишком живыми, чтобы просто отмахнуться от них.

Ему доводилось читать труды ученых, занимавшихся тонким устройством души человека. Точнее, они утверждали, что души нет, есть лишь дремлющий мозг и его порождения. Они-то и отражались во снах, помогая человеку осмыслить произошедшее.

Но то, что он только что видел, что *пережил*... Это казалось сюжетом бульварного романа или сценарием дешевой пьесы из тех, что развлекают пустые умы, голодные до чужой грязи. Юстасу это было чуждо и дико.

Но было что-то узнаваемое в этом гротескном маскараде, что-то близкое к реальному миру. Ни один человек, даже с заслуженными лаврами ученых степеней, не смог бы разгадать тот шифр, который Юстас Андерсен адресовал сам себе. В этом он был уверен.

В остатках воды в стакане плавали вездесущий пух и мелкая плодовая мошка, поэтому он сделал несколько жадных глотков прямо из графина.

Если отбросить всю мишуру, то суть сна становилась прозрачной: ни он, ни герцог не желали оставаться трофеями, бессловесными и бесправными орудиями в руках фон Клокке. Но какой бы сложной ни казалась ситуация, даже у такого опытного манипулятора были слабые стороны. Только выявив их, Юстас получит шанс обыграть его. Нужно быть очень осторожным, чтобы булавка слов нашла уязвимую точку и вошла в нее по самой шляпку.

Андерсен прикрыл окно и перебрался на кривоногую софу, набитую жестким конским волосом. У него было достаточно времени до восхода солнца, чтобы подумать.

Человек, полагающий, что уже одержал очередную победу, становится снисходительным к побежденным: от этого вкус триумфа не ослабевает, а, наоборот, переливается новыми пряными оттенками. Таков был и Эрих фон Клокке. Почуввав скорую капитуляцию Фердинанда, он вновь надел уже приевшуюся добродушную личину.

После ужина он пригласил его и Юстаса сыграть на бильярде.

Несомненно, в этой светской игре он был если не профессионалом, то страстным любителем: каждая деталь бильярдной была продумана до мелочей и дышала некоей франтоватостью. Дубовый стол с высокими бортами был не слишком велик, всего около трех метров в длину, и обтянут шерстяным сукном вишневого цвета, словно подчеркивая отличие от привычных зеленых столов. По бортам струилась резная вязь северного орнамента – обязательная дань эмигрантской тоске. Карманы под шестью лузами были сплетены из вощеного шнура, а пронумерованные костяные шары, уже выложенные в рамку пирамиды, были желтовато-белыми, точно неокрашенными, кроме гагатово-черного битка.

Разумеется, кроме всевозможных аксессуаров для игры – полированной стойки в форме драккара для киев, доски для счета и мраморных блюд с мелом, – там заманчиво блестела внушительная коллекция бутылей и графинов. Из каждого угла щерились невозможно уродливые чучела.

Юстас вытер ладони о брюки, надеясь, что проделал это незаметно.

Хозяин занял живописную позицию напротив входа, чтобы дать вошедшим увидеть его в центре этого холостяцкого рая, и торжествующе покачивался на мысках, заложив руки за спину.

– Ну-с, что скажете? – Каждая морщина на лице Эриха лучилась довольством. – Это, – он любовно похлопал по борту стола, – ручная работа, выписал из лучшей мастерской. А это, обратите внимание, из александрийского палисандра кии. Не сборные новомодные «удочки», вот уж увольте. – Старик фыркнул в усы. – Монолит!

Выражение лица Фердинанда удивительным образом балансировало на грани почтительного внимания и ядовитого презрения. Не было сомнений, что он видел во всем этом кичливость и ребячество.

– Bravo, bravo, – протянул он, опробовав гладкость красного сукна двумя пальцами. – Вы и впрямь из тех людей, что учитывают каждую мелочь. – В его тоне не было ни грана фальши.

Юстас тоже произнес обязательный комплимент вкусу хозяина. Говорят, что вежливость – оружие слабых. И зачастую оковы сильных.

Но хозяину одобрение гостей показалось недостаточным. С видом ребенка, получившего на Йоль игрушку мечты, он выкатил из-за расписной олонской ширмы настоящую диковинку: инкрустированный перламутром механизм с широким серебряным раструбом, напоминающим цветок дурмана.

– Граммофон! Революция не во всем пошла нашей стране на пользу, – заметил он, устанавливая круглую эбонитовую пластинку и заводя механизм до упора. – Одна оперная дива, фрау Варрен, кроме платьев, увезла за границу еще и мужа, маститого изобретателя. А у того давно была, скажем, идея фикс – запечатлеть голос супруги навечно. И уже в Малых Землях нашлись толковые люди...

Граммофон разразился сначала бульканьем, а потом чуть надтреснутыми звуками известной увертюры.

– ...которые дали делу ход! – Последние слова фон Клокке пришлось почти прокричать, так как он стоял у самого аппарата.

Под ледяным взглядом герра Спегельрафа Эрих сделал два полутанцевальных шага в сторону бара и начал возиться с напитками, громко подпевая музыке. К тому моменту, когда Эрих вручил гостям их бокалы, граммофон стал звучать почти приемлемо, чтобы не приходилось повышать голос. Видимо, чуть расслабилась взведенная пружина или что-то в этом духе – Юстас не особенно разбирался в механике.

На первую партию Эрих вызвал герцога, предоставив ассистенту наблюдать и вести счет. Игра шла размеренно, с большими паузами между сыгранными шарами: патрон и фон Клокке не торопясь обходили стол, примеряясь и отступая, высчитывая наиболее выгодную позицию и угол удара. Увертюра тем временем отгремела последним возвышенным аккордом.

Наконец бывшему послу надоело вести ни к чему не обязывающую салонную беседу. Ведь, по большому счету, им не перед кем было изображать старых добрых товарищей, коротающих вечер в солидном клубе.

– Так что насчет – ну-ка, ну-ка, – что насчет должности? Тянуть дальше возможности нет никакой. Даже у меня. То есть я бы мог, конечно, попридержать ее месяцок-другой. – После долгих приготовлений Эрих ударил по битку, но шар прошел бортом и не докатился до лузы. Он раздраженно прищелкнул языком и отступил. – Но это крайне нежелательно.

Фердинанд медлил. Казалось, он выверяет траекторию намеченного шара, но воспаленные глаза его бесцельно блуждали по красному сукну. Раз это было заметно Андерсену, то бывшему патрону и подавно.

– Десятый, – бросил он ассистенту и прицелился.

Биток с шорохом прокатился мимо, едва задев десятый шар смоляным боком.

– Хотелось бы узнать, чем вызвана подобная спешка, – герцог говорил медленно, растягивая слова. – Ведь если я вступаю на должность, то такие нюансы не должны оставаться в секрете.

– Никаких секретов, Нанду. – Эрих, кряхтя, навалился животом на короткий борт. Даже, кажется, привстал на цыпочки. – Пятый. У каждой должности здесь есть срок. Не то что раньше в Кантабрии. Срок нынешнего казначея подходит к концу. Удерживать голубчика никто не хочет. Да и сам он порядком... проштрафился и мечтает укатить подальше, пока не поздно. Но с тобой проблем не будет, я уверен.

После долгих приготовлений старик с глухим щелчком отправил названный шар в боковую лузу и торжествующе ухмыльнулся.

– Какой счет, мальчик мой? – обратился он к Юстасу.

– Вы ведете. – Тот сверился с записями. – С отрывом в два очка.

Женское трио с пластинки выводило сложный узор мелодии, перехватывая друг у друга музыкальные нити на полуслове.

– Девятый. Вы хотите сказать, что от предшественника мне достанутся в наследство долги и неразбериха в бумагах? – Следующий удар был нанесен Спегельрафом с кажущейся небрежностью, но шар мягко скользнул в лузу.

Юстас записал новый счет. Эрих, скривившись, покачал головой.

– Едва он скроется за горизонтом, все подчистят. Ты меня знаешь, все будет в лучшем виде...

– Разумеется, – ответил герцог, чей взгляд говорил об обратном.

Увлечшись, фон Клокке осушил изрядное количество бокалов красного портвейна кряду, и к его лицу прилила кровь. Хор на пластинке сменился балетной сценой. Анданте, крещендо. Юстас ждал удобного момента.

С переменным успехом они сыграли еще две партии. Победа в итоге досталась хозяину. Довольный собой, он объявил перерыв и перевернул эбонитовый диск, испещренный тончайшими желобками, на другую сторону.

Потом Эриху отчего-то показалось удачной идеей ознакомить гостей со своей коллекцией чучел, и он повел их по периметру комнаты. Андерсена передергивало каждый раз, когда тот останавливался перед очередным экспонатом и разливался соловьем о чудесах и новшествах таксидермии. Подумать только, последние чучела даже обладали собственной механикой, позволяющей шевелить конечностями и поворачивать голову! К слову, охотником он не был, но, когда егерь приносил удачную, не попорченную тушку, хозяин поместья Винеску тут же заказывал мастеру новый экземпляр для украшения комнат.

Юстас старался ограничиваться вялыми почтительными кивками и не присматриваться к «удивительно естественным» глазам и позициям, но тут увидел нечто такое, от чего его обычно холодная кровь вскипела, а оркестровые литавры отозвались в затылке звенящим эхом.

Оскалив мелкие, бритвенно-острые зубы, кусочками янтаря на них таращился матерый лис. На его холке, вдоль выступающего хребта и в темной окантовке губ виднелись искры седины. Животное будто готовилось к прыжку, припав на передние лапы. Композиция, как жизнерадостно пояснил опьяневший Эрих, была сделана таким образом, чтобы отвлекать внимание от крошечного дефекта: когда тело лиса извлекли из капкана, оказалось, что тот пытался отгрызть себе лапу, но не успел.

– Но такому красавцу грех пропадать, – не унимался фон Клокке, несмотря на то что лицо Фердинанда явно посерело. – Тем более он один из последних. Остальных вредителей давно извели.

Юстас сжал кулаки: именно лис был геральдическим животным и символом семьи Спегельраф. Злонамеренная или нет, демонстрация такого рода была страшным оскорблением. И последней песчинкой.

– Сыграем партию, герр Эрих? – предложил ассистент герцога.

Фон Клокке несколько раз бессмысленно моргнул, фокусируясь на Андерсене, и кивнул.

– Я не против, мой мальчик. – Он похлопал Юстаса по плечу и нетвердой походкой двинулся обратно к бильярду. – Но предупреждаю – меня сложно удивить даже новыми трюками.

– Тем не менее я попытаюсь.

Юстас снял строгий синий пиджак, закатал рукава, не спеша выбрал кий, чтобы его длина соответствовала росту, тщательно натер наконечник мягким мелом. Хозяин тем временем с удовольствием подготавливал стол к новой игре: извлекал из луз шары, подпевая элегической арии.

– Разбей, мой мальчик, уступаю.

– Как вам угодно.

Черный биток ударил в вершину пирамиды, и она рассыпалась, раскатилась по вишневому сукну. Юстас машинально отметил не менее полудюжины выигрышных вариантов.

– Объявляйте ваши номера, господа, – хрипло сказал герцог, ссутулившись около доски со счетом.

– Мой будет девятый, – провозгласил Эрих, установив конец кия на растопыренной пухлой пятерне. – Во-от эдак!..

Как и рассчитал Юстас, шар был сыгран крайне неудачно, но общей картины не изменил.

– Номер один.

Удар. Герцог равнодушно засчитал очко в пользу Андерсена.

– Ловкач, – обрадовался Эрих. – Вижу, что Нанду тебя натаскивал!

– Мне было у кого поучиться. Продолжим, – потребовал Юстас.

Первую партию Андерсен выиграл почти всухую, даже без особых приемов, чем надеялся немного отрезвить фон Клокке – иначе все было бессмысленно. Он преуспел в этом: старик прилагал все большие усилия, чтобы одолеть противника, и его досада росла.

– Ну, знаешь ли! Каков стервец! Да как же это! – то и дело восклицал тот.

После второй партии, уже совершенно взмокший и не менее пунцовый, чем бильярдный стол, Эрих попросил реванша. Юстас понял, что теперь он готов к беседе.

– С кем вы обычно играете на бильярде, герр Эрих? – как бы между прочим задал он вопрос.

– Да с кем придется, – отмахнулся хозяин. – Все больше со швалью бумажной, из Вал-ликрава.

– Должно быть, и с нынешним бургомистром не раз доводилось катать шары в этом изысканном кабинете? – Юстас дождался утвердительного кивка. – Похоже, вас связывает долгое сотрудничество. Он так печется о вашем благополучии. О вашей жизни.

Во взгляде фон Клокке промелькнуло недоумение, но он быстро нашелся с ответом.

– В цивилизованных странах деловые партнеры непременно справляются о здоровье друг друга, – немного нескладно парировал он. – Это часть этикета, мальчик мой. Но не будем отвлекаться. Думается мне, этот славный шарик намерен отправиться в лузу. Нанду, номер шесть!

И вновь промах. Юстас позволил себе саркастическую улыбку. Он и не думал отступить. Не теперь. Слово отвечая его мыслям, ария тенора сменилась грозным хором в сопровождении духовых и ударных.

– Разумеется. Вот только его интересовало не состояние вашей грыжи или сердечной мышцы. Он был встревожен перспективой... Как бы точнее выразиться? Полагаю, в вашем завещании этот пункт обозначен как «случай насильственной смерти».

Эрих выглядел ошеломленным.

– Боги с тобой, мальчик!

– Мое имя – Юстас.

– Хорошо, Юстас... Ты говоришь о каких-то совершенно диких вещах!

– Отчего же диких? Вы были совершенно правы, включив это условие в письмо душеприказчику. Как юрист, осмелюсь предположить, что целиком это звучало следующим образом: «Прошу обнародовать прилагаемые документы в случае моей скорострительной насильственной кончины». Вам нельзя отказать в осмотрительности. Герр Спегельраф, прошу вас, номер два.

Он поймал вопросительный взгляд герцога, но отвел глаза. Патрон ничего не знал ни о его расследовании, ни о сделанных выводах. И тем не менее не было похоже, что он собирается останавливать своего ассистента.

Последовавший удар был безупречен.

– О каких документах ты говоришь?

Если бы Эрих не был пьян и сбит с толку, как сейчас, он бы ни за что не поддался на грубую провокацию. Он бы не купился на блеф и не сунулся в этот капкан.

– Кто знает? Думаю, вы позаботились о том, чтобы компромат на пана бургомистра был исключительно ценным. Так же как вы позаботились о сохранности этих материалов и собственной безопасности, если ему вдруг надоест платить шантажисту. Тем более что вы берете за свое молчание немало. Номер три.

Фердинанд уже перестал вести счет. Он застыл, как мраморное изваяние, и крошево мела осыпалось с его стиснутых пальцев. Юстас решил открыть одну из немногих настоящих карт.

– Я вскрыл конверт. Ни для меня, ни для вас не секрет, что никакого серебра у вас нет. Да и кто теперь использует его для производства монет? Кстати, когда точно иссякла жила? Пятьдесят лет назад? Или больше?

Эрих отступил на пару шагов от бильярда, слепо нашарил за спиной подлокотник кресла и тяжело опустился в него.

– Хорошая школа, Нанду. Ты хорошо обучил своего подручного, – медленно ворочая языком, он откинулся на спинку. – Но, чую, на этом у тебя не все, – обратился Эрих уже к Юстасу. – Теперь полагается припереть меня к стенке, ведь одних обвинений недостаточно.

– Верно.

– Что же у тебя есть на меня, кроме моих дел с бургомистром?

– Убийство.

Некоторое время ассистент герцога играл в одиночестве, чувствуя на себе взгляды стариков. В какой-то момент он уловил ритм музыки и следовал ему в своих движениях. Он играл, покуда на столе не остался только черный шар. Игла граммофона со скрежетом соскочила с пластины и плавно поднялась в воздух.

– Одного я не знаю наверняка. – Юстас взвесил биток на ладони и обернулся к остальным. – Кто из вас его совершил. Ведь вы явно не из тех, кто пачкает руки. А ваша супруга... в жестокость женщины зачастую верится с трудом. Но я достаточно повидал за последние дни в поместье, чтобы разделять это заблуждение. Поэтому в своем письме нотариусу я описал «преступный сговор панны Анастасии Радев и герра Эриха фон Клокке с целью завладения имуществом пана Горана Радева, его именем и пожалованной должностью». Я ведь ничего не упустил?

– Письме? – глухо переспросил Эрих.

– Да, в письме. Ваша схема показалась мне достаточно удобной, чтобы скопировать ее. В случае, если в течение двух дней я не отправлю в Валликрав инструкцию об уничтожении документа, он будет передан в руки бургомистра. И, возможно, – Юстас с трудом улыбнулся, – он не ограничится тем, что просто перестанет вам платить.

Эрих уставился на Андерсена, явно не замечая, как отчаянно тот лжет.

– Но мои слуги... Ничего не знаю ни о каком письме!

– Кантабрийский гульден весомее валликравского лева, – вышел вперед Фердинанд, вступая в беседу с непринужденностью опытного дипломата. – Вы прекрасно это знаете. Ваши слуги тоже.

Фон Клокке с трудом поднялся на ноги и приблизился вплотную к бывшему ассистенту. Но, как он ни старался, ему уже не удавалось выглядеть внушительно. Старик долго всматривался в лицо герцога, будто забыв, что сейчас с ним говорил именно Юстас.

– Хорошо, – наконец произнес он неожиданно твердым голосом. – Я знаю, что тебе от меня нужно. Имена, контакты – ты все это получишь. Затем твой... Юстас напишет при мне письмо своему законнику, чтобы тот уничтожил бумаги. Сегодня же. Сейчас же. А после вы уберетесь отсюда.

Они пересекли границу на рассвете. По голому полю стелился клочковатый белесый туман. За заставой их ждали тишина и полное безлюдье. Покрепче перехватив ручки двух саквояжей, Юстас последовал за герцогом по единственной дороге, которая стремилась в призрачную зыбь.

#6. «Пух и перья»

С каждым движением, с каждой отсеченной прядью тяжесть, давящая изнутри на лоб, виски и затылок, становилась все меньше. Ножницы хрустели и поскрипывали, волосы стекали вниз и щекотали кожу, как прохладные крылья мотыльков. Сдвинув светлые брови, Луиза поворачивалась к зеркалу то одним, то другим боком, пыталась выверить длину, приставив к подбородку ребро ладони, но выходило все равно кривовато. Ее волосы привыкли быть туго заплетенными в косу или скрученными в узел с множеством шпилек. Теперь же они точно почувствовали свободу и стали топорщиться в разные стороны. Чем больше она их ровняла, тем хаотичнее становилась новая прическа.

В конце концов она стала ходить на одного из мальчишек-подопечных Пера Петита, которых некому было ни подстричь, ни причесать.

Блеклые былинки цвета луковой шелухи опадали на подстеленное полотенце с цветочной вышивкой. Тонкие прядки, пока их было немного, казались на нем неряшливо выбившимися из узора нитями, но вскоре полностью скрыли его.

Доротей, похожая на позолоченную статуэтку, иногда заглядывала в комнату и знаками предлагала помощь, но Луиза только мотала головой – ей хотелось сделать это самой.

Первое, что Вендель посоветовал ей. Остричься. Она и сама понимала, почему: если ей, пусть и на время, предстояло стать частью его банды, то коса была помехой. И дело не только в традициях. Луиза прекрасно помнила, как ее за шиворот и волосы втащили на коня в ночь бойни на берегу – вырванный кусок кожи все еще саднил и зудел под коркой засохшей крови.

Она отложила ножницы, пока раздражение не сыграло с ней злую шутку – волосы могут отрасти, в отличие от пальцев. Девушка попыталась намотать на кулак самую длинную из прядей, но та выскользнула, как сухой песок из горсти.

Следующим неминуемым шагом в преображении Луизы была одежда. Заботливая рука Доротей уже разложила на спинке кушетки брюки для верховой езды из неокрашенной кожи, белую ситцевую блузу в тонкую синюю полоску и плотный клепаный корсаж из тех, о которых Чайка любила говорить – «от пера в потроха». Воспоминание беспокойным клубком заворачивалось в груди – во что бы то ни стало она должна узнать о судьбе своих друзей. И помочь им, если потребуется.

Наконец Луиза с трудом втиснулась в подкованные сапоги и проковыляла в соседнюю комнату, подволакивая вывихнутую ногу на манер водевильного пирата. Невестка явно поджидала ее – она вскочила со своего кресла с пальцами и приблизилась, едва слышав скрип двери. Иберийка словно сошла с картинки на табачной упаковке: миниатюрная, хотя немного выше Чайки, полуночно-черноволосая, с ярким маленьким ртом и влажными глазами косули на гладком золотистом лице. Для полного сходства ей не хватало лишь гвоздики в волосах, скрепленных резным деревянным гребнем.

Доротей вопросительно заглянула ей в лицо и протянула пальцы к тому, что осталось от когда-то длинных волос.

– Хорошо, – старательно выговаривая кантабрийские слова, произнесла она. – Красиво. Как солнце.

Луиза не сразу поняла, что девушка имела в виду цвет ее волос, столь редкий для этих земель. Она хотела было поблагодарить – за все, но Доротей уже упорхнула в соседнюю комнату и позвала Луизу оттуда. По звону и перестуку посуды угадывалась кухня.

Весь дом молодой пары сиял чистотой из каждого уголка: стены были безупречно белыми как снаружи, так и изнутри, чтобы защититься от зноя; ароматные травы хрустели под ногами и искусными гирляндами оплетали перекладыны под потолком; в высокой клетке живой каплей солнечного света посвистывала канарейка. Кроме того, повсюду, куда ни глянь, красова-

лось удивительное кружево – Доротея плела невесомые мантильи для женщин Фиеры. Но невесте мертвеца не нужна мантилья, и Луизе теперь больше к лицу мужская шляпа с широкими полями.

Но если такой была цена за настоящую семью, за чувство кровной близости и счастливую жизнь под одной крышей, Лу заплатила бы ее десятикратно.

Грохоча сапогами, разношенными по чьей-то ноге, девушка добралась до кухни. Из-за генератора там было гораздо жарче, чем в остальных комнатах, несмотря на распахнутые окна. Луиза все еще комкала в руках сверток со срезанными прядями и не знала, куда его девать. Иберийка поняла ее замешательство и забрала его, вручив взамен стакан теплого молока, источавшего почему-то запах шоколада, такого дорогого и редкого даже в богатых домах Кантабрии. Пока девушка наслаждалась напитком, Доротея выскользнула на задний двор, опустила сверток в заранее выкопанную ямку, присыпала землей и сплясала короткий притоптывающий танец. Странного вокруг Луизы становилось все больше.

К счастью, вернувшись, невестка решила пояснить свои действия: изо всех сил нахмурилась и указала себе на глаз.

– От дурного глаза? Порчи?

Девушка торжественно закивала. Луизу тоже радовало растущее взаимопонимание – не так много зацепок было у нее, чтобы быть уверенной в завтрашнем дне.

– А это? – решила уточнить Луиза и подняла в воздух стакан.

В следующую минуту перед ней возник горшочек, почти доверху наполненный густой головокружительно пахнущей массой.

– Масло какао, – пояснила Доротея. – Для сил.

– Откуда?.. – Луиза опешила, осознав, какую редкость держит в руках.

– Вендель, – последовал короткий ответ.

Этого следовало ожидать – почти все население прибрежной части Иберии промышленно контрабандой и было так или иначе связано с пиратами, которые грабили морские караваны Александрии, идущие из Новых Земель за океаном. Свидетельство тому стояло теперь перед Луизой. Значит, Вендель причастен к этому.

Девушка внимательно посмотрела на невестку. Подозревала ли та о делах мужа? И если так, то была ли довольна их положением на грани закона и беззакония? Улыбка Доротеи, таящаяся в самых уголках рта, не давала никаких ответов.

Воспоминание о том дне, давно погребенное под обломками прошлой жизни и новыми ранящими впечатлениями, предстало теперь перед внутренним взором Луизы цельной картиной.

Вот на аккуратном весеннем газоне неподалеку от королевской конюшни стоит окаменевшая Агнесс – ей немногим больше одиннадцати лет, и ее изумрудная амазонка кажется сшитой для куклы. Руки в белых перчатках прижаты ко рту.

Вот Адриана, разрывающаяся между желанием сбежать и прийти на выручку принцессе. Разумеется, она понимает, что у нее для этого не хватит ни сил, ни ловкости. Гуннива визжит и дергает ее за рукав.

Вот король Иоганн бежит к ним, на ходу выхватывая револьвер. Его оружие блестит на солнце.

Вот сама Луиза, взирающая на все это из-за гранитно-серой юбки камеристки.

Никто не знал, как коню удалось вырваться из своего стойла. Это был молодой жеребец, чистокровный ибериец, быстрый и яростный. Никому не было известно о его необъяснимой ненависти к женщинам, что заставляла его бросаться на них, сметая все на своем пути.

Для принцессы в тот день должны были оседлать буланого пони. Уже после того как Агнесс перестала рыдать, а кровь, натекающую из простреленного глаза коня, присыпали песком, король заявил, что ни его дочь, ни одна из ее наперсниц никогда и близко не подойдут к конюшне.

Не то чтобы Луиза с тех пор и навсегда стала бояться лошадей. Они были частью жизни Хестенбурга – паромобили были не всем по карману, а трамваи на угольных генераторах ходили только по четырём линиям рабочего квартала и у набережной. В городах кони были повсюду: возили омнибусы и небольшие повозки, тягали грузовые телеги и ходили под седлом констеблей. Ей так и не довелось научиться ездить верхом, но только теперь в этом появилась нужда.

– Сидишь, как собака на заборе, – в который раз сделал замечание Вендель. – Держи спину прямой!

Девушка промолчала, но с усилием придала корпусу нужное положение. Брат не был прирожденным учителем – ему скорее докучало наставлять новичка, но поручить это кому-то еще он не мог.

– Я не придворный конюх и не привык обучать барышень азам, – порой отгрызался он на «глупые» вопросы.

Больше, чем Вендель, ей помогала освоиться лошадь. Гнедая, с рыжими подпалинами и белой звездочкой на носу, Уна быстро доверилась и привязалась к Луизе, выполняла ее неловкие команды и ластилась после чистки скребком. Конюх, правда, упоминал, что молодое животное может быть пугливым и нервным, но до сих пор кобыла вела себя спокойнее самой наездницы.

Вендель стоял в центре небольшой поляны, окруженной копиями кипарисов, и удерживал Уну на длинном ремне. Он поворачивался вокруг своей оси и следил за движениями Луизы, пока та сменяла аллюры или пыталась поймать отпущенные стремяна. Время от времени он выкрикивал команды и бормотал иберийские ругательства, отчего его собственный конь, стоящий на привязи неподалеку, вскидывал голову и взбудораженно стриг ушами.

– Довольно на сегодня муштры, – наконец решил Вендель, – кони извелись уже. Да и в целом хватит с тебя тренировок, – пожевав губами, добавил он. – В цирке тебе не выступать, а здесь главное не отставать и не падать. Прокатимся и домой.

Луиза склонилась к лошадиной шее и потрепала Уну по загривку.

Ей хотелось бы доверять брату безусловно, одарить его такой же любовью, какую без труда завоевали члены труппы Театра. Но она опасалась, как опасаются обжечься о разгоряченный на огне металл.

– Куда поедем в этот раз?

Несмотря на жгучую боль во всех мышцах и стертые до крови бедра, ей нравилось ездить верхом – возникало чувство, что она занимается чем-то стоящим, настоящим, и Луиза почти забывала, для чего именно ей нужен этот навык. Чаще всего после выездки они делали несколько кругов вокруг кипарисовой рощи к западу от Фиеры и по тенистой дороге возвращались к городским конюшням. Этот маршрут уже полюбился Луизе за последние дни.

– Поедем мимо путей, через пустошь. Посмотрим, как ты держишься на настоящей дороге.

– Целует ветер светлый лик Эпоны – погонщицы коней бесстрашной, – нараспев выкрикивала Луиза прерывающимся голосом. – Когда по сладким пастбищам подзвездным она несется, правя не уздой, но песней!

Дальше она не помнила ни строки, но и этого было достаточно, чтобы выразить бурлящий восторг, переполнявший ее.

– Античная поэзия?.. – Вендель с легкостью поравнялся с вырвавшейся вперед наездницей. – А ты казалась не такой уж занудой!

– Мы все не такие, какими кажемся поначалу, любезный герр Спегельграф, – улыбнулась Луиза, и улыбка далась ей на удивление легко. – Взять, к примеру, вас.

– Разве я подходящий пример? – Вендель шутливо нахмурился. – Мои поступки не расходятся со словами, а те – с мыслями.

Никогда прежде Луиза не делилась подобными рассуждениями, но этот колеблющийся горячий воздух, пахнувший растертым апельсиновым листом, твердая поступь Уны под ней – все это, казалось, делало ее другим человеком, более уверенным и свободным.

– Любая мысль, стоит ей сойти с языка, становится ложью. А о том, как со стороны выглядят наши поступки, нам и вовсе судить не дано, как невозможно повсюду носить с собой зеркало...

– ...размером с крышку гроба, – подхватил брат, криво усмехаясь.

– Да, примерно так, – смутилась Луиза от мрачной фантазии Венделя.

Какое-то время они ехали молча, и молчание это было неприятным. Девушка корила себя за излишнюю открытость, которая никогда не доводила ее до добра. Наконец Вендель предложил свернуть с тропы в небольшую гранатовую рощу, скрывавшую в своей тени источник, и напоить лошадей.

Спешившись, Луиза подвела Уну к воде и отстегнула от пояса кожаный бурдюк, чтобы наполнить его выше по течению. Вода была такой холодной, что в руке заняла каждая косточка. Удивительно, как она остается такой ледяной посреди раскаленной, растрескавшейся от солнца земли Иберии.

Когда Луиза выпрямилась, то натолкнулась на испытующий взгляд голубых глаз брата, бывший холоднее воды. Девушка невольно поежилась.

– Что-то не так? – Она стала рассеянно перебирать конскую гриву, чтобы скрыть страх перед Венделем Белым Дьяволом, который не исчез, но затаился на краю ее мыслей, как стилет в узких ножнах.

– Об этом я и хочу спросить. В чем мое противоречие, о котором ты говорила?

Он сорвал с ветки еще совсем светлый гранат, разломил его пополам и поддел ногтем нежно-коралловое зернышко. Девушка задумалась, но ненадолго.

– Вендель Спегельграф был точно маленький отшельник. А теперь... Взгляни на себя – ты предводитель, твое слово – закон для мужчин, некоторые из них тебе в отцы годятся! Власть у тебя в крови, – добавила Луиза, напряженно наблюдая за его реакцией.

Старший брат скривился, выплюнул недозрелые зерна граната и швырнул плод на землю.

– Хорошо. Что насчет остальных детей судьбы?

Луиза отвернулась к лоснящейся шее лошади и продолжила говорить, будто наедине с собой.

– Антуан боится людей, словно самых страшных тварей на свете...

– Ха, он прав!

– Но под действием сильной идеи он готов был править ими и заботиться о них, несмотря на страх. Кажется, он рассуждал именно так. Мне жаль его.

Вендель хмыкнул и присел у воды, чтобы умыться. Его конь уже напился вдоволь и теперь шумно дышал хозяину в шею, призывая отправляться дальше.

– Малыш Клемент. В чем его противоречие? Он ведь по-прежнему паинька?

– Его противоречие в том, что он сын, о котором могли бы мечтать отец и мать из любого сословия, но он все же недостаточно хорош для любви наших родителей. Противоречие в том, что он родился Спегельграфом, – произнесла Луиза чуть резче, чем хотела.

– А ты жестока.

– Все нет, – запротестовала она, хотя в его тоне звучало одобрение.

– И в этом твое противоречие, ведь с виду ты сушая мышка, – торжествующе заключил он.

Луиза хотела было парировать, но не успела придумать достойного ответа, как Вендель снова принялся плескать в лицо пригоршни воды из ледяного источника, казалось, тотчас забыв о ее присутствии. Девушка пожала плечами и занялась упряжью.

Шерсть Уны и потник пропиталась влагой, и кобыла явно нуждалась в скребнице. Луиза погладила лошадь по точеной длинной морде и ласково попросила потерпеть до дома. Неприязанный конь Венделя бродил по рощице чуть поодаль, обрывая листья дрока.

– Отец многое потерял, – отфыркнувшись, продолжил рассуждать Вендель, – потому что не разглядывал толком своих детей, когда строил планы на их счет. Готов поспорить, мы могли бы стать такими же могущественными, как Пеларатти или Колонна, не меньше!

– В конце концов и те и другие были уничтожены, – возразила Луиза, вспомнив знаменитую трагедию о мятежных временах в Борджии. Каждый образованный кантабриец знал ее наизусть, каждый театр ставил ее хотя бы единожды. – С другой стороны, – она невесело усмехнулась, – Верховный судья пренебрег мною, в точности как дон Пеларатти своими дочерьми.

– Ты зря винишь его, – неожиданно печально ответил брат, – Фердинанд натворил много дерьма, но он ни за что не причинил бы тебе вред. Нет! – Вендель тряхнул головой. – Кому угодно, но не тебе. Ведь ты была его единственным сокровищем, ради которого он отказался от нашей матери, а саму тебя спрятал в самом охраняемом месте королевства.

Луиза замерла в недоумении – слова Венделя не прозвучали издевкой. Какой-то тревожный колокольчик внутри надрывно зазвонил, умоляя прекратить этот разговор, в котором звучало слишком много неприятных недомолвок.

Тем временем в просвете между деревьев показался всадник на кирпично-рыжем коне. Еще издали, по одному только силуэту, она узнала в мужчине приближенного брата – Хорхе. Высмотрев Венделя с Луизой в гуще листьев, тот спешил и устремился к ним.

– Об одном ли и том же Фердинанде Спегельрафе мы говорим? – неловко попыталась отшутиться Лу.

– Верно, – протянул Вендель, – ты ничего не помнишь из тех событий. Но я знаю достаточно. Рассказать?

Луиза покачала головой и указала на приближающегося Хорхе, но брат отмахнулся от ее жеста и продолжил говорить. Тем временем тот кивком поприветствовал своего командира, почтительно встал за плечом и сложил руки на груди, впери в Луизу неприязненный взгляд.

– Однажды наша матушка утопила старшую сестру, – произнес брат тоном недоброго сказочника. – Разумеется, никто не стал винить Эмилию и все списали на шок. Ты знала, что утопающий не может позвать на помощь? Это только в опере девица, которую бросили за борт, еще с четверть часа ведет свою арию из волн. Эрнеста боролась за каждый вздох, и вода отнимала ее силы. Вода и мокрое платье.

Вендель мерил пространство между Луизой и Хорхе шагами, поочередно обращаясь то к ней, то к нему, но по лицу иберийца было ясно, что он не понимает ни слова, а лишь выжидает момента, чтобы заговорить.

– А наша матушка, тогда еще совсем девчонка, стояла в тени ив и ждала, пока та не перестанет биться и не всплывет посреди пруда с лилиями, как мертвая рыбка. Только тогда она раскрыла свой лживый рот пошире и завизжала.

– Мне известно, что она считает себя виновной в смерти тети Эрнесты. – Лу покачала головой, пытаясь скрыть, как ошеломил ее рассказ брата. – Но тебя там не было! И слуги...

Хорхе оборвал ее речь.

– *Escuchame, comandante. Es de cargo de armas del norte.*

Вендель кивнул, и Хорхе принялся быстро бормотать, склонившись к его уху. Пальцы Венделя потирали и сдавливали переносицу, будто он, вслушиваясь в порывистую речь бандита, снова и снова выправлял старый перелом, а прищуренные глаза смотрели в пространство.

Хорхе, в отличие от других людей брата, был скуп на жесты. Его пальцы покоились на массивной серебряной пряжке португалии, но беспокойный взгляд черных глаз перескакивал с предмета на предмет, то и дело возвращаясь к Луизе, словно она могла подслушать их разговор и кому-то передать услышанное. В раздражении девушка всплеснула руками и отвернулась. В глухом шепоте иберийца ей удалось разобрать только отдельные слова вроде «крысы», «поле», «хижина» – и еще почему-то «чеснок», – но она могла и ошибиться.

Когда Хорхе закончил речь, Вендель, не задумываясь, ответил тремя короткими фразами-приказами и перечислил несколько имен своих людей. По тону Хорхе Луиза поняла, что ответ тому не понравился и он стал возражать. Если бы только знать иберийский и понимать, к чему все эти «*musquetones*» и «*emboscada*»! Блокнот, куда она выписывала новые слова, как назло, остался дома под подушкой. Тем временем Вендель прервал Хорхе, и на этот раз ему потребовалось еще меньше слов. Бандит коротко кивнул, тряхнув копной угольных кудрей, вскочил на коня и галопом понесся к городу.

Внезапно Луиза поняла, что брат удерживает власть не столько силой или слухами о своей хитрости и жестокости, сколько огромным весом тех немногих слов, что он говорил своим людям.

«Он так похож на отца», – вновь подумалось девушке, и от этой мысли ей стало очень неуютно. К тому же ей вовсе не хотелось, чтобы Вендель возобновил разговор о родителях. Пусть вся эта взаимная ненависть и грязь прошлого остается в Виндхунде, в Кантабрии, подальше от нее. А они построят новое будущее здесь и сейчас.

– Поедем в город? – окликнула девушка Венделя; тот стоял неподвижно, устало прикрыв глаза.

– Да, пожалуй. Но я хочу закончить рассказ, чтобы больше никогда к нему не возвращаться.

– Давай просто забудем обо всем этом! Будто и не было вовсе! Оставим отцам их грехи и пойдем дальше, свободные от них, – выпалила девушка. – Я не желаю ничего знать!

– Это нужно мне, – твердо ответил Вендель, осторожно снимая ее цепкую руку со своего рукава. – Рассказать, чтобы забыть.

И Луиза отступила.

– Ты сказала, что я ничего из произошедшего не видел, – продолжил он рассказ, будто и не прерываясь. – Но иногда не нужно видеть, чтобы знать наверняка. Все знали, как завидовала Эмилия старшей сестре, как с раннего детства тяготилась жизнью в ее идеальной тени. А когда Эрнесту сосватали за герцога – и вовсе ее возненавидела. В одном только я не уверен, что было сильнее в сердце Эмилии – одержимость Фердинандом или желание отобрать у сестры все, что делало ту счастливой.

Вендель вел повествование так гладко, будто уже сотни раз проговаривал его в мыслях.

– Она не толкала ее в омут, но отказ в помощи бывает хуже ножа в спину. Когда траур кончился, Фердинанд был вынужден просить руки младшей дочери. Когда той исполнилось семнадцать, они обвенчались. Фердинанд бывал в Виндхунде редко – его карьера в Коллегии шла в гору, но Эмилия оказалась плодовитой и родила ему троих сыновей в надежде привязать к себе и дому, – тут Вендель неприятно усмехнулся. – Четвертым ребенком была ты – и ты заставила нашу мать пожалеть обо всем.

Он свистом подозвал коня и стал между делом проверять седельные сумки, будто рассказывал скабрезную сплетню о жене алькальда, а не о собственных родителях.

– Отец действительно стал чаще оставаться дома, несмотря на высокий пост. Ведь чем больше ты становилась, тем сильнее проявлялось сходство с его милой Эрнестой. Нет, не

совсем так. Ты выглядела в точности, как выглядели бы ее дети от него: ее волосы и его глаза. Эмилия сделалась забывчивой и нервной. То ласкала детей, то в слезах убегала от нас и запиралась у себя; то висла на отце, как простая прачка на своем любовнике, то осыпала его проклятиями на глазах у всех. Антуан еще больше привязался к матери и повсюду ходил за ней, а Клемент проводил все время с книгами, но я слышал, как он хныкал в своей комнате.

Глаза Луизы горели, готовые к слезам. История брата мчалась к своей катастрофической развязке.

– Это не могло длиться вечно, и одной декабрьской ночью закончилось, – Вендель говорил все быстрее. – Спорю, старшая горничная, если только она жива, до сих пор обожает пересказывать эту историю за рюмкой вишневой наливки. Эмилия попыталась удушить дочь подушкой, пока та спала. Отец сломал ей запястье, забрал тебя и не возвращался в Виндхунд три года. Конец.

Когда он умолк, мир остался прежним: все та же укромная гранатовая роща, наполненная живым звоном ручья и треньканьем невидимых птиц высоко в ветвях. Прежней осталась земля под их ногами и небо, пылающее полуднем. Луиза опустила взгляд и почувствовала, что она сама осталась такой же, какой была несколько минут назад: не распалась на части, не обернулась камнем.

Вендель отвернулся и поднялся в седло. Спокойно, неспешно.

Мир остался прежним, восхитительно неизменным и равнодушным, и она сама осталась прежней. Слезы высохли, так и не пролившись, как это случалось почти со всеми дождями в Иберии. Только оборвалось внутри несколько нитей, столь тонких, что боли она почти не ощутила.

– Едем. Если я все верно поняла, твои люди ждут меня немедленно.

С опустошенной грудью и легкой головой Луиза вслед за братом взлетела в седло и свистом послала кобылу вскачь по пыльной дороге к Фиере.

По дороге Вендель вкратце обрисовал ситуацию, о которой докладывал Хорхе. Луизе пришлось спрашивать дважды. На деле ей хотелось вытеснить из головы тягостный разговор о родителях и занять мысли чем-то более реальным. Что бы эти двое ни чувствовали друг к другу или к ней, сейчас они были далеко, а брат – рядом. И он был всей ее семьей, самым близким человеком. Так она говорила себе.

Уже в черте города они спешили, отвели лошадей в конюшню и дальше шли не торопясь: Вендель был уверен, что предводитель не должен вламываться на общее собрание со сбившимся дыханием и в мыле.

Он рассказал, что по другую сторону железной дороги, за пшеничным полем стояли наполовину сгнившие, а наполовину сгоревшие склады одного дельца. Делец давно умер, а наследники все не объявлялись. Пару лет назад те развалюхи использовали для передержки груза и его люди, но позже нашли место ближе и безопаснее.

А теперь там объявились чужаки. Они пришли со стороны побережья и не могли быть никем, кроме Крыс, и теперь банда брата собиралась отправить нескольких лазутчиков на разведку. Вендель выдал тираду о том, что мошенникам с севера в Иберии будто медом намазано, и Луиза не сдержала нервного хихиканья в ответ.

– Ничего удивительного, что они бежали сюда, – заметила она. – Сначала за чистку улиц взялся президент, после покушения гвардия прочесывала город квартал за кварталом, хватая всех, у кого не было карточки рабочего. Страшно представить, что началось после смерти Мейера.

– Будем надеяться, что Теодору не придется перевозить сюда всех своих людей, а то на них песка не хватит.

Сложно было разглядеть выражение глаз Венделя, скрытых в тени широкополой шляпы, но его веселый голос не смог обмануть Луизу – Белый Дьявол был зол.

На одной из улиц им навстречу выехал отряд стражей-альгуасилов в изжелта-белой форме, с золотистыми кокардами на фуражках, и Вендель поспешно оттащил сестру за руку в сторону, чтобы дать им проехать. Их кони прошагали мимо нарочито степенно, а сами наездники смерили Луизу липкими взглядами. Один из альгуасилов что-то выкрикнул и похлопал себя по кнутовищу, а остальные издевательски заржали.

– Это потому, что я стриженная и в мужской одежде? – спокойно уточнила Луиза, когда они скрылись из виду.

– Нет, это потому, что ты чужестранка.

Девушка только поджала губы и зашагала дальше.

Район Фиеры, где располагался излюбленный кабак банды – «Пух и перья», «*Plumas y plumones*», относился к старой части города, которая стояла здесь задолго до того, как проложили железнодорожное полотно. Здесь не было ни магазинов готового платья, ни отелей, ни булочных с марципановыми фигурками на витринах. Здесь жили бедно, развлекались грубо и шумно и от будущего ничего не ждали.

Само здание «Перьев» было деревянным и двухэтажным. Венчалось оно щербатой мансардой, угрожающе нависшей над проулком и сине-белым тентом у входа. Под ним, вытянув отекавшие смуглые ноги, сидели и грызли миндаль три подавальщицы в цветастых косынках. Чья-то маленькая дочка ворковала над самодельной куклой на островке пыльной травы неподалеку. Рядом с женщинами стояли поднос со стаканами и пара медных бидонов с вином, разбавленным апельсиновым соком с сиропом, – в чистом виде оно было таким кислым, что сводило скулы. От холодильных бидонов шел морозный пар, оседая на металле мириадами капелек, – вряд ли хозяйка купила их на собственные сбережения, скорей уж приняла в уплату долга. Подавальщицы успели заметить и Венделя, и Луизу, но не торопились предлагать им напиток: во-первых, они знали, что для Белого Дьявола у Пилар найдется что-нибудь получше, а во-вторых, если бы не делишки банды, то их бы не выгнали из прохлады зала на солнцепек.

Тем не менее одна из женщин грузно поднялась со своего места, тяжело качая широким задом, подошла к закопченному оконцу, постучала и сварливо крикнула:

– *Pilaar! Aya, Pilar! El vino!*

Не успела она вернуться к товаркам, как за дверью что-то заскрипело и заходило ходуном. Наконец дверь приоткрылась, и Луиза вслед за Венделем протиснулась в темноту кабака.

Внутри уже собралась большая часть банды, хотя девушке казалось, что они и так проводят здесь за выпивкой и нардами целые сутки, если Вендель не находит им другого занятия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.